

18+ Анастасия Королёва

Жизнь души

Анастасия Королёва

Жизнь души

«Издательские решения»

Королёва А.

Жизнь души / А. Королёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551909-2

Главный герой, обладающий уникальными способностями покидать тело, встречает в небе такую же летающую душу девушки и мечтает обрести счастье, встретив ее на земле. В борьбе за свою мечту ему не удастся избежать скандала и смертельной опасности, ведь он связан узами с красивой и самой сексуальной девушкой на курсе, а его «неземная» подруга замешана в криминальной истории. Но борьба с внешними обстоятельствами и внутренними страхами открывает новые возможности. Только стоит ли игра свеч?

ISBN 978-5-00-551909-2

© Королёва А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1. В небе	9
1. Мальчик с даром предвидения	9
2. Профессор Манусов	20
3. Посвящение в тайну	29
4. Знакомство	39
5. Последствия	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Жизнь души

Анастасия Королёва

© Анастасия Королёва, 2023

ISBN 978-5-0055-1909-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Можно полюбить душу, не зная тела,
а потом сходить с ума,
прикасаясь к телу любимой души.
Пауло Коэльо

Я проснулся, когда в комнате было уже совсем светло. Тёплый летний ветерок ворвался в окно, с шумом разметав бумаги, небрежно раскинутые по массивному дубовому столу. Еще щурясь ото сна, я бесцельно скользнул взглядом по своему кабинету, по правде сказать, больше похожему на книгохранилище. По дому летал вкусный запах приготовленной яичницы, от чего пустой желудок сжался в комок. Я с наслаждением потянулся, откинув колючий плед, которым, видимо, укрыла меня Алиса.

«Да, нелёгкая выдалась ночь, но день, похоже, обещал быть ещё сложнее! Ночное чтение частенько выбивает меня из колеи! Надо бы заглянуть на кухню и поздороваться с Алисой!» – подумал я и, собрав разлетевшиеся листы, вышел из кабинета. Однако сам тихо проскользнул в ванную, чтобы хоть ненадолго отложить неприятный разговор с дочерью.

Минут через пятнадцать, когда я все-таки решился заглянуть на кухню, меня встретил пристальный взгляд дочери. С её языка мгновенно слетела уже давно заготовленная тирада:

– Папа, ты себя не бережешь! Сколько раз я просила не зачитываться допоздна! Пропать всю ночь в этом неудобном кресле-качалке, учитывая, что ты простужен и у тебя больная спина, – просто недопустимо!

Это прозвучало, скорее, не как утверждение, а как вопрос, она ждала ответа и обещания, что я больше так не сделаю.

– Доброе утро, дочка, – сказал я, выдавливая улыбку и преодолевая подступающую боль в спине, – всё хорошо, я выспался.

– Ты неисправим, папа! Завтрак давно готов, разогреть яичницу? – спросила она.

– Давай. Спасибо, – ответил я и засунул голову в холодильник в поисках сливочного масла.

– Сейчас порежу хлеб для бутербродов.

Алиса схватила нож и быстро повернулась к разделочному столу. От резкого движения нож выпал из её рук и со звоном приземлился на пол.

– Сегодня к нам придёт мужчина, – ухмыльнулась она и игриво добавила, – надеюсь, симпатичный.

Я внимательно посмотрел в ее глаза и насторожился.

– С чего ты это взяла?

– Папа, ну хватит! Я знаю, о чём ты подумал: «откуда ей может быть это известно?! ...» и всё в таком духе. Мы же уже выяснили, что твои экстрасенсорные способности мне не передались по наследству, просто есть такая примета: когда падает нож на пол, значит, в дом в скором времени придёт мужчина.

Я тяжело вздохнул, но пристального взгляда от дочери не отвёл. Да, интуиция меня никогда не подводила: Алиса что-то хотела сказать ещё, но раздумывала в нерешительности, как будто подбирая слова.

Никогда за всю свою сознательную жизнь я не был преисполнен таким отчаянием, как при мысли, что моя дочь может унаследовать экстрасенсорные способности. За прожитую жизнь я испытал так много, что окончательно убедился: намного легче жить, не видя будущего, которого люди стараются с такой неистовостью узнать, не слыша голосов умерших, не ведая

точной даты своей смерти и смерти близких и, главное, не подвергая жизнь смертельной опасности.

Я уже почувствовал, что к нам сегодня действительно придёт мужчина и что он не просто придёт, а останется в нашей жизни надолго.

Я молчал, ожидая, когда дочь произнесет все, что хотела. Собравшись с духом, опустив глаза в пол, она выпалила одним махом:

– Пап, сегодня утром звонил один молодой человек, его зовут Макс, он журналист какого-то популярного издания, хочет написать о тебе статью.

Я поднял глаза к небу, изображая недовольство.

– Алиса, ты же знаешь моё отношение к журналистам! Я не хочу никого видеть.

– Но ты послушай меня, пожалуйста, – она умоляюще взглянула на меня своими большими серыми глазами. – Он показался мне другим..., не знаю почему. Сказал, что ему есть, о чём с тобой поговорить, сказал, что... хорошо понимает тебя.

– Обычная журналистская уловка, – я, стараясь придать своему голосу ещё большую строгость, перебирал в голове факты, которые натолкнули бы на мысль о том, откуда же мне известно это имя. Макс... Макс... Возможно, это было в прошлом, хотя нет, если он молод, значит, я должен был слышать о нём совсем недавно. Некогда идеальная память всё больше с возрастом подводила меня.

– Пап, он сказал, что понимает тебя, потому что... потому что тоже слышит голоса, он хотел с тобой это обсудить, – Алиса подвинула мне стул, присела рядом и примирительно погладила по спине. – Я пообещала ему, что он может прийти после полудня. Возможно, ты его примешь? – она улыбалась и смотрела на меня, застыв в ожидании.

Ничего не ответив, я поднялся и тихо побрёл в кабинет. Я знал, что Алиса расценила моё молчание как согласие на визит этого человека. Надо было прибрататься у себя до появления юноши, ожидание которого вызывало во мне те же самые эмоции, что и предвкушение визита старого знакомого. Не мог отделаться от ощущения, что этот Макс приходит ко мне уже не в первый раз, и я хорошо его знаю.

Порядок я навести так и не успел, потому что зачитался и, видимо, не услышал, когда в дом позвонили. Тихонько приоткрыв кабинет, Алиса сообщила вполголоса, что пришёл Макс и хочет со мной пообщаться. Я вышел в холл.

Увидев молодого человека, я, кажется, на секунду замер и перестал дышать. Ещё мальчишеское, с мелкими чертами лицо; тёмные, слегка взъерошенные волосы; громкий, хриловатый голос; имя; – всё было мне знакомо. Картинка сложилась у меня в голове, и я понял, что передо мной стоит мой будущий зять.

Я не позволил замешательству отразиться у меня на лице и, натянув улыбку, быстро подал руку:

– Здравствуйте, Макс.

– Здравствуйте, Артур Александрович, – бодро проговорил он, уверенно отвечая на рукопожатие.

Краем глаза я заметил, как Алиса слегка улыбнулась, от чего-то покраснев, и чтобы нам не мешать, убежала в гостиную.

– Я давно хотел с вами встретиться, профессор, – заговорил Макс, когда мы вошли в кабинет, – вот всё искал предлог.

– И поэтому выдумали эту байку с голосами, которые вы якобы слышите, да? – я старался скрыть сарказм в голосе, чувствовал, что не в духе сегодня.

– Ну что вы! Нет, для этого я устроился работать журналистом в газету, подумал, что так у меня будет больше шансов поговорить с вами, узнать о вашей жизни, спросить совета, рассказать миру о вас и других ваших современниках – первооткрывателей таинственного мира, за место в котором сегодня идёт такая борьба!

– А с чего же вы взяли, молодой человек, что я вот так возьму и расскажу вам всё? Я уже устал повторять, что я не общаюсь с журналистами. Я человек старой закалки и не собираюсь раскрывать государственные тайны, даже выйдя в отставку.

– Об этом я тоже подумал и хотел бы вам показать некоторые документы, выложенные на днях в сети. Это рассекреченные архивы службы безопасности, в которых вы под псевдонимом «Филипп» фигурируете очень часто. Конечно же, рассекреченные сведения не произведут никакого фурора в СМИ лишь потому, что подтверждают давно известный факт. Вы один из первых международных шпионов-разведчиков, способных дистанционно, не сходя с места, получить искомую информацию. Вы – первооткрыватель. Вы – легенда. О вас пишут в учебниках и книгах. Вот, посмотрите!

И он вытащил стопку книг из кожаного портфеля и положил её на стол; затем достал портативный компьютер, и его пальцы быстро заскользили по экрану в поисках нужной странички.

– Вот! Нашёл. Я скачаю этот архив, чтобы вам самому не искать сайт. Так... Готово.

Он остановился и выжидающе посмотрел мне в глаза. Не знаю, чем он меня так подкупил. Может, тем, что не стал предлагать деньги за мою сговорчивость и откровенность, как большинство журналистов, или тем, что он явно нравился моей дочери, но я с трепетом в сердце отнёсся к его искреннему желанию сделать из меня «легенду». Я невольно смягчился и даже улыбнулся.

– Хорошо, спасибо, Макс. Я всё посмотрю. И приезжайте ко мне в четверг, через два дня, полагаю, нам будет что обсудить.

– До четверга, профессор.

Он с улыбкой победителя протянул мне руку и, решительно ее пожав, быстрым шагом направился к двери.

Из холла донесся голос Алисы:

– Звоните Макс, буду рада вас снова услышать. – Ее голос звучал мягче и тише обычного.

Я окончательно утвердился в своих догадках, но мои мысли были уже далеко...

Часть 1. В небе

1. Мальчик с даром предвидения

Самые яркие впечатления моего детства связаны с переездом. Наша семья поселилась на новом месте, когда мне было шесть лет. Именно в то время родители заметили у меня «особый дар».

Папа часто рассказывал ту историю, когда я впервые его удивил своими экстрасенсорными способностями в шестилетнем возрасте. Как-то вечером он вернулся с работы, улыбнувшись, чмокнул маму в губы и не успел даже посмотреть на меня, как оторопел от моего вопроса.

– Пап, а почему трактор хочет сломать наш домик? – спросил я его со слезами на глазах. – Где же мы будем жить?

Он медленно повернулся ко мне и сказал:

– Ну что ты, сынок... Мы переедем в другое место, нам будет где жить, и там будет ещё лучше, чем здесь.

– Мне здесь нравится! – я уже захлёбывался слезами.

Мама подошла и обняла меня за плечи.

– Саша, мы что, переезжаем? – спросила она у отца.

– Да, Нина, сегодня я мчался домой, как мне казалось, с хорошей новостью, а вот теперь не знаю, как бы лучше вам всё рассказать.

– Говори как есть. Тем более что новость, как ты утверждаешь, хорошая. – Твердо сказала мама.

– Нам дали ордер на трехкомнатную квартиру в новом многоэтажном доме! – торжественно произнёс папа. – Он находится недалеко отсюда. Многим нашим выдали такие же ордера. Мы больше не будем ютиться в одной комнатке втроём! И у тебя, сынок, будет своя комната, это же ведь здорово! Или ты так не думаешь? – с улыбкой спросил он.

– Своя ко-о-омната... – протянул я, утирая слёзы, но через мгновение они вновь непроизвольно полились из глаз, когда я представил, что мой уголок, где хранились самые любимые игрушки и различные безделушки: камешки, подобранные на улице, монетки, фантики от конфет, красивее которых, мне казалось, ничего нет, – будет бездушно разрушен железным тракторным ковшом.

– Сынок, не переживай, поверь, будет всё хорошо, – успокаивала меня мама. – Уже поздно. Давай сейчас мы ляжем в кровать, ты уснёшь, а завтра проснёшься с новыми мыслями. – Мама нежно взяла меня за руку, и обернувшись к отцу, произнесла: – Саша, я пойду, уложу Артура, а ты пока раздевайся и готовься ужинать.

Папа в растерянности стоял посередине комнаты. В его глазах читалось удивление. Мама отвлекла меня новым рассказом о мальчике, который никак не хотел хорошо учиться и ходить в школу, и о его приключениях в стране «Незнании». В тот день мальчик должен был решить сложную математическую задачу, чтобы найти выход из этой жуткой страны.

Я уже, видимо, начал дремать, когда мама, оставив меня, подошла к столу, за которым потерянно сидел отец.

В ночной тишине комнаты, сквозь обволакивающий меня сон я слышал их тихий разговор. Возможно, я не смогу передать его в полной мере, поскольку был сильно потрясён собственными переживаниями, а он был лишь частью моих детских воспоминаний, но что-то я все-таки смогу воспроизвести.

– И когда же мы переезжаем? – спросила мама и добавила: – знаешь, ты меня, конечно, удивил. И что будет с нашим теперешним домом?

– Переезжаем примерно через месяц. Закажем машину и перевезём всё одним махом, вещей у нас, благо, немного. Единственное, нам придётся в первое время испытывать некоторые бытовые неудобства в связи с ремонтом. – Папа замолчал, обводя комнату взглядом. – А все эти дома будут скоро сносить. И произойдёт это через три-четыре недели, я уже видел генеральный план застройки нашего района. На этом самом месте будет построен высотный жилой комплекс. – Сказал папа и поднял указательный палец вверх.

– Удивительно! Да, необычно как-то сразу вот так взять и переехать. Но на самом деле я, конечно же, рада, что дали квартиру, хоть и не люблю переезды.

– Да, я тоже удивлён, только не переездом, а реакцией Артура. – Перевел тему папа. – Ты видела? Я ещё и рта не успел раскрыть, чтобы новость рассказать, а он уже в слёзы... и про трактор сказал...

– Мне кажется, что его реакция естественна, – спокойно ответила мама. – Он же твой сын. Возможно, часть твоих способностей ему передалась всё-таки по наследству. Он увидел ближайшее будущее, потому что для него это серьёзная перемена. Все прошлые разы, когда мы переезжали с места на место, он не помнит, потому что был слишком маленьким, а сейчас уже достаточно вырос.

– Возможно, возможно... – задумчиво сказал папа. – Только вот я свои способности развивал, работал годами над этим. Понимание, что я чувствую наступление каких-то ярких моментов будущего, пришло после того, как мне исполнилось двадцать. Ещё лет десять я усиленно занимался с психологами, гипнотизёрами и экстрасенсами для того, чтобы уметь контролировать и сопоставлять приходящие мне видения с конкретными фактами из своей жизни и жизни окружающих. А он вот так взял и выпалил! И ведь понял, что трактор ломает не какой-то дом, а именно наш! Он увидел БУДУЩЕЕ. Понимаешь?

– Да, понимаю, но ничего не могу тебе сказать по этому поводу. У меня сердце разрывалось от его слёз. Я могу по пальцам пересчитать те дни, когда он так плакал.

– Завтра я постараюсь с ним поговорить, хочу, чтобы он вспомнил, откуда узнал об этом тракторе, и, если видения подобного рода будут у него повторяться, надо научить его их контролировать. – Решительно сказал папа.

Больше ничего не смогу воспроизвести из того разговора, видимо, заснул. Однако я до сих пор помню, что мне приснилось либо в ту, либо в одну из последующих ночей, предшествовавших нашему переезду.

Во сне я видел того школьника из страны «Незнании». Сначала он шел неторопливо, на ходу решая задачки и головоломки. Позади оставалась темная страна «Незнания», а далеко впереди мелькало светлое пятнышко. И он знал, что это пятнышко – его родной дом, там родители, которые ждут и скучают, друзья и школа, которую он успел полюбить за время пребывания в стране. Он шёл и шёл, а спустя некоторое время услышал приближающийся тархтящий шум работающего мотора, обернулся и увидел вдалеке едущий по направлению к нему трактор, подрагивающий огромный железный ковш которого мимоходом сносил всё на своём пути. Школьник пошёл быстрее, продолжая решать задачки, которые становились всё сложнее и сложнее. Трактор приближался. Тогда он побежал по направлению к свету, его голова взрывалась от нескончаемого мыслительного процесса, но дом был слишком далеко, и, казалось, что ближе не становился. Он оборачивался назад и с ужасом понимал, что остановиться или вернуться не может, просто некуда, позади уже всё разрушено, вплоть до земли, которая была у него под ногами, однако и вперёд никак попасть не мог. Во сне я осознавал, что этим школьником был я сам, только лицо и одежда были не мои. Я проснулся среди ночи и опять заплакал, мама подбежала и переложила меня к себе на кровать, где я безмятежно заснул, уткнувшись в тёплую руку отца.

Помню, как папа подошёл ко мне одним вечером, я занимался очередным переключением своих камушков из одной коробочки в другую.

– Сынок, вот хотел у тебя кое-что спросить, – сказал он, пытаясь скрыть нотки тревоги в голосе.

– Что, пап? – поинтересовался я.

– Вот почему ты спросил тогда о тракторе, который якобы должен сломать наш дом? Откуда ты это взял?

– Не знаю, пап. Увидел тебя и вспомнил.

– Что вспомнил? Сон?

– Нет, это было не во сне. Я просто увидел тебя, ну когда ты пришёл после работы, и потом увидел картинку у меня в голове, вот здесь, – я показал пальцем на свой лоб, – мне стало жалко наш домик, поэтому я заплакал. Но я больше не буду плакать, потому что мы переедем в новый красивый дом, там нам будет хорошо.

– Картинку... а можешь подробнее описать мне эту картинку, рассказать во всех деталях?

Я рассказал ему всё, что помнил о своём первом ярком видении. Моё повествование было кратким и практически ничем не отличалось от того, что я уже рассказывал, за исключением, может быть, морозящего дождика и луж. Он задал мне несколько вопросов, уточнил детали.

На прикроватной тумбочке зазвонил телефон, папу вызывали на экстренное ночное совещание. Он быстро собрался, положив документы во внутренний карман кожаной куртки, и, уже стоя в дверях, произнёс:

– Хорошо, через месяц проверим.

Недели через три мы благополучно переехали в наше новое жилище. Это был девятиэтажный дом на тридцать шесть квартир, построенный для семей офицерского состава. Помимо нас, туда въезжали такие же молодые семьи с детьми, большинство из них – наши прежние соседи по двухэтажным постройкам казарменного типа, служившие вместе с отцом. Все новосёлы были довольны: о тесноте можно было забыть, в квартирах было от двух до четырёх комнат на семью. Под окнами нашего и рядом стоящего идентичного дома была выстроена большая детская площадка. За домом длинная, усаженная яблоневыми деревьями аллея вела в небольшой парк с фонтаном и скамейками. Тогда нам казалось, что мы попали в рай, и эта малогабаритная, хоть и трёхкомнатная, квартира виделась настоящими хоромами.

Переехав, родители сразу же приступили к ремонту. Пока они клеили обои и клали паркет в одной комнате, жили мы все вместе в другой. Однажды в выходной день, когда ремонт только начался, после утомительной нескольких часовозной возни с электрическими проводами и розетками, папа вышел во двор и подозвал меня к себе. Я в то время крутился во дворе вокруг песочницы, в которой, помимо меня, сидели две маленькие девочки и лепили куличи.

– Пойдём, прогуляемся со мной немного, а то от этого ремонта у меня голова кругом идёт. – Предложил он.

Мы побрели с ним по серым от набежавших туч улицам. Я периодически убегал вперёд и потом ждал, пока папа меня нагонит. Где-то через полчаса мы пришли на место нашего бывшего дома.

Во второй раз я увидел эту картину, только уже не у себя в голове, а вживую.

Резко пошел дождик, вокруг образовались большие лужи и мокрая грязь от перепаханной тяжёлой техникой земли. Экскаватор и два трактора один с ковшем, другой со щитом динамично совершали наезды на наше бывшее жилище. Один из тракторов периодически поднимал свой ковш и, словно ломая игрушечный картонный домик, сгребал каменные обломки с того места, где раньше находилась наша комната на втором этаже. Горький комок встал в горле, мне хотелось разрыдаться от страха и тоски, но в тот раз я сдержался.

– Пап, эта та самая картинка, про которую я тебе рассказывал, – тихо сказал я и указал пальцем на то, что видел перед собой.

– Знаю, сынок, знаю... – ответил Папа и обнял меня за плечи, стараясь успокоить. – Если ты когда-нибудь ещё увидишь что-либо подобное и поймёшь, что картинка, возникающая

у тебя в голове, связана с каким-нибудь событием из будущего, обязательно рассказывай мне, хорошо?

– Хорошо, пап. А такие картинки могут ещё появляться?

– Кто знает, возможно. – Пожал он плечами и потянул меня идти обратно.

Но шли годы, папа иногда спрашивал у меня, не знаю ли я о том, чем завершится история, происходящая с тем или иным знакомым, но я отвечал, что не знаю, поскольку никаких видений больше не возникало.

Тем временем родители закончили ремонт квартиры, и радость переезда сменилась унылыми буднями отрешенного существования. Большая квартира развела нас по углам, каждый сидел в отдельной комнате и занимался своими делами.

Я рос единственным ребенком в семье, у меня были папа и мама, но взаимопонимания у родителей между собой не было. Все свои сознательные годы после этого переезда, я не помню, чтобы они что-то обсуждали, делились чем-то друг с другом. В атмосфере полного молчания я привык не высказывать и не показывать свои эмоции, рос тихим, скромным и беспристрастным ребенком, втайне мечтающем вернуть теплые, открытые и добрые отношения между моими любимыми родителями, которыми были наполнены первые годы моей жизни. Не могу сказать, что я вырос совсем замкнутым, вне дома я был вполне общительным, у меня было много друзей, но все было как-то поверхностно, мне не хватало глубины, да и в душу к себе я никого не пускал, хотя близкие друзья были.

Так, я рос совершенно обычным ребенком, ничем не отличающимся от других моих сверстников. Как и когда точно во мне сформировался тот раскол, я не помню... Но то, что мои внутренние желания абсолютно не совпадали с теми жизненными обстоятельствами, которые меня окружали – это точно...

Итак, о родителях. Как я помню каждый из них жил своей жизнью. При этом, я не могу сказать, что был обделен их вниманием. Я видел их старания уделять мне время, развивать мои способности, в общем, знал, что в семье меня любят. От общения с ними я усвоил четко, что в жизни я должен учиться, жениться и найти хорошую работу. Эти были те ориентиры, к которым я и стремился, стараясь оправдать их ожидания, в тайной надежде на то, что они оправдают мои, однажды помирившись.

Мама часто со мной шутила, водила в театр, на выставки, кружки, занималась школьным воспитанием; папа водил на футбол, хоккей, болтал со мной по пустякам о политике, спорте, машинах. Но между ними царил полная тишина. Они оба были хорошими людьми, но причина, по которой они не могли наладить между собой общение мне была неясна. Но точно знаю, очень меня мучила. Видя, что они ничего не хотят с этим делать, я отчаивался. Иногда в атмосфере я чувствовал летающие искры негатива, метался между ними, в надежде объединить, что никак не выходило и доводило до отчаяния. И на этом все...

Несмотря на то что я был окружен достаточным количеством людей, внутри я чувствовал ужасающую пустоту, полное одиночество и раскол на две части, которые желали соединиться, но не находили способа это сделать.

Несчастный случай, произошедший со мной однажды, ненадолго объединил родителей, и заодно открыл во мне новые экстрасенсорные способности.

Однажды во дворе нашего дома оказался мой школьный друг Серега с мопедом. Это был наполовину самодельный аппарат, издающий дикое рычание и извергающий клубы дыма из выхлопной трубы. Звук работающего мотора был такой громкий, что в нашем панельном доме дрожали стены и дребезжали стёкла в деревянных оконных рамах.

Мы с папой выглянули в окно и увидели Серегу, сидящего верхом на мопеде и машущего мне рукой. Я выбежал во двор и с восторгом посмотрел на его «нового» коня, грациозно стоящего на тротуаре. Несмотря на то что мопед был явно старой рухлядью, собранной из несколь-

ких таких же в один, на тот момент он произвёл на меня неизгладимое впечатление. «Я бы всё отдал за такой!» – подумал я тогда.

Папа вышел следом за мной.

– Пап! Можно мы прокатимся! Ну, пожалуйста. Мы рядом, вокруг дома, – я умоляюще посмотрел на него.

Он слабо кивнул, немного побледнев и сдвинув брови. Я знал, что он не сможет мне отказать, видя, с каким восторгом я кинулся к мопеду. Хотя я и обратил внимание на его реакцию, но не придавал ей никакого значения, пока был в эйфории от нестерпимого желания прокатиться.

Мы запрыгнули на жёсткое истёртое сидение и рванули с места. Встречный воздух ударил мне в лицо, и я крепче ухватился за бока друга, сидевшего впереди. Мы завернули за угол дома и развили скорость по пустынной, темнеющей от наступающих сумерек аллее. Я бросил взгляд на ржавый трясущийся спидометр, похожий на большой будильник, закреплённый на руле, стрелка подёргивалась возле надписи «50 км/ч». Внезапно я почувствовал острый укол в сердце от сковавшего меня страха, а в следующую секунду увидел как руки моего друга не могут удержать неуправляемый руль, виляющий в разные стороны. Уже через мгновение мы летели в канаву, тянущуюся вдоль обочины, позади я услышал голос бежавшего за нами папы, он выкрикивал моё имя. Если бы мне не было так больно, я бы уже тогда удивился его появлению.

Очнулся я уже в карете скорой помощи. Всё тело ныло, переломанные рёбра не давали дышать. Я открыл глаза и посмотрел на искажённое лицо папы, в котором радость и боль смешались одновременно. Сразу же я спросил про друга. Со слов папы, понял, что друг практически не пострадал, отделавшись двумя синяками, и завтра даже пойдет в школу, а мопед придется выбросить на свалку, как не подлежащий восстановлению, я же, влетев в дерево, переломал себе два ребра с левой стороны, левую ключицу и левую ногу в двух местах.

Тот случай научил меня многому. Папа рассказал, что почувствовал приближающееся несчастье, выбежал из двора, понимая, что уже не в силах ничего изменить, не сможет догнать мопед, и уже готовился принять удар судьбы, которого не ожидал. Через месяц у него отросли седые волосы, а мама первые дни после аварии все время причитала и плакала. Тогда я сказал себе, что впредь буду осторожнее, я не готов был видеть страдание на лицах моих самых родных людей.

Папа был для меня больше, чем просто человеком, который дал мне жизнь и воспитывал, он был моим наставником. По моему мнению, одним из его главных достоинств было умение расположить к себе людей и руководить ими. Он исключительно миролюбиво общался с окружающими, если к нему обращались за помощью или советом, всегда отвечал участием. Люди это чувствовали и тянулись к нему в моменты, когда надо было получить совет, помощь или найти компромиссное решение проблемы. Я полагаю, что тягу к помощи людям, оказавшимся в беде, я унаследовал от него.

В свой одиннадцатый день рождения я, как и последние три недели, проснулся в больничной палате. Тело уже не так ныло, больше чесалось под наложенным на ногу гипсом и туго затянутыми вокруг туловища повязками.

«Ну почему я влетел в это дерево! Проехать бы ещё полметра, и я, как и мой друг, мог свалиться на траву, ничего себе не сломав! – думал я. – Ох, прожил одиннадцать лет без приключений, и тут на тебе!»

Обычно я радовался каждому наступлению дня рождения: уже с утра подарки и поздравления сыпались на меня со всех сторон, от родственников, друзей и учителей. Но в тот день я приготовился к тому, что буду грустить, отмечая день рождения в одиночестве, в больничной палате. Настроение было испорчено, праздника ожидать не стоило.

Словно желая развеять мои грустные мысли, в палату вошёл лечащий врач.

– Ну что, Артур, сообщу тебе приятную новость в честь твоего дня рождения. Кстати, мои поздравления! – с улыбкой произнес он и потрепал меня по плечу. – Сегодня я тебя выпи-сываю, все твои косточки ровно срастаются, ранки затянулись, долечиваться будешь дома, под присмотром мамы и папы. Гипс пока не снимаем, ещё недели две будешь с ним ходить.

– Ох... – выдохнул я с облегчением.

– Ну вот и отлично, вижу, что ты рад. Улыбайся почаще и быстрее поправишься. Хорошее настроение, видишь ли, способствует скорейшему выздоровлению!

К обеду мы приехали домой, радости не было предела! Больничная палата оставила у меня в душе унылое впечатление, там было скучно, всё по режиму. А когда я находился дома, в родных стенах, я мог делать всё, что душе угодно, тем более в день рождения. Подарки, поздравления и пожелания скорейшего выздоровления сыпались на меня до самого вечера. Приготовленный мамой праздничный бисквитный пирог со сметанным кремом и цукатами, стоящий посередине стола, выглядел настолько аппетитно и был таким вкусным, что мы втроем умяли больше половины за пять минут.

– Ну а теперь подарок от нас с мамой! – провозгласил папа и направился куда-то.

– Ага, целый день гадал, что же вы мне подарите, – я в нетерпении ёрзал на стуле и поти-рал руки.

Папа втащил в комнату какую-то не очень большую, но явно тяжёлую коробку. И поста-вил её передо мной.

– Вот, сынок, то, что ты давно хотел. – Сказал он.

– Боже мой, это же телевизор! Мне в комнату? – с восторгом прокричал я и захлопал в ладоши.

– Ну да, ты же вроде говорил о нём... – смущаясь, сказал папа, видя мою радость.

Его смущение было вполне мне понятно в связи с тем, что телевизор, который я очень хотел, мне запрещали иметь у себя в комнате. Родители были оба против его установки, считая, что его просмотр может отвлекать меня от учебы. Но в тот день этот дорогой подарок был словно признанием моей болезни. Поскольку на поправку я шел медленно, родители готовы были купить мне все что угодно, лишь бы я чувствовал себя лучше.

– Супер! Мечта всей жизни. Спасибо, папа, спасибо, мама, – я взглянул на маму, и в моей голове промелькнула картинка, как её младшая сестра Вика стояла перед такой же коробкой с телевизором. – Должно быть, хороший, если Вика выбрала себе такой же, я-то знаю, что она сначала долго выбирает, а потом покупает. Кстати, она завтра собирается к нам приехать. – Я звал мамину сестру по имени, поскольку она была значительно моложе мамы.

В комнате воцарилось молчание, родители уставились на меня. Я даже сначала не понял, что конкретно произошло.

– Вика завтра?! – сказал удивлённо папа, чуть побледнев.

– Ой, она всегда появляется так неожиданно! Никогда не предупреждает, – замахала мама руками и загадочно заулыбалась.

– Теперь ПРОШЛОЕ... – пробубнил папа и в растерянности плюхнулся на стул.

Вика влетела в нашу квартиру как ураган. В отличие от моей хрупкой, нежной и мечта-тельной мамы, ее младшая родная сестра была эксцентричной, веселой, крупной, но при этом очень подвижной, женщиной. Когда она появлялась где-то, заполняла своей энергетикой всё пространство, требовала к себе повышенного внимания окружающих и постоянно находилась в движении. Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, рядом с ней моя мама казалась ещё более маленькой, скромной и молчаливой.

Но в день, когда Вика вошла в нашу квартиру, я поймал себя на мысли, что уже целый час сижу у себя в комнате, настраивая каналы нового телевизора, а так и не услышал жуткого грохота от удара тетиной ноги в дверь своей комнаты. Я тихо пробрался в холл и услышал, как мама с Викой о чём-то шептались на кухне за закрытой дверью.

– Ладно, вот сейчас всё и проверим, – неожиданно громко сказала Вика и через мгновение уже появилась в холле, но увидев меня, резко остановилась.

– Ты что? Подслушивал? – звонко спросила она и весело потрепала меня по голове. – Какой-то ты смешной в этом гипсе!

– Нет, конечно. Только что вышел из комнаты, телевизор настраивал, – пробурчал я.

– Телевизор, телевизор... Пошли со мной, – она придержала дверь, чтобы я, таща за собой загипсованную ногу, проковылял на кухню. – Значит, говоришь, у меня такой же телевизор есть, как тебе подарили? – спросила она как только я сел и пристально на меня посмотрела.

– Ну да, мне так показалось, – тихо ответил я.

– Ты знаешь, что тебе всё правильно показалось? – спросила она, и в её глазах заиграл задорный огонёк.

– Наверное, – снова тихо ответил я.

– Да вот, купила себе на прошлой неделе, отлично показывает, мне нравится. Представляешь, – обратилась она к маме, которая в это время разливала чай по чашкам, вовлекая её в разговор, – пошла по магазинам, что самое интересное, за продуктами, прохожу мимо «Бытовой техники», смотрю, а он, красавчик, на витрине стоит и уценён на целых тридцать процентов. Я-то давно уже на него глаз положила, но всё как-то не решалась купить, денег было жалко, ну, сама понимаешь... А тут подумала, будь что будет, и взяла его, любимого.

– Вика, ты говоришь о нём, как о мужчине своей мечты, – засмеялась мама.

– Так он и есть моей мечты... красавчик, – не унималась Вика, смакуя последнее слово.

– Главное, чтобы тебе нравился.

– Артур, – обратилась ко мне Вика и заерзала на стуле, – ну-ка, посмотри сюда и ответь на вопрос: кто этот человек? – она порылась в сумочке и достала фотографию улыбающегося мужчины с тёмными волосами и бородой. В одной руке он держал удочку, а в другой – видимо, недавно пойманную рыбу.

Я взял в руки фотографию, внимательно посмотрел на лицо мужчины, стараясь как можно чётче запомнить его черты.

Потом перевёл взгляд на Вику. Я закрыл глаза и постарался соединить Вику и этого мужчину в мыслях, и передо мной всплыла картинка: моя тетя в белом платье и с букетом распустившихся лилий, а он в костюме, ниже её на целую голову, надевает ей кольцо на палец правой руки, а мы втроём стоим рядом, красиво одетые.

– Он твой муж, – ответил я.

– Хо-хо! Ты слышала, Нина? Мой муж... – она всплеснула от удивления руками и обернулась к маме. – Действительно, это Гарик, на прошлой неделе он сделал мне предложение, поэтому я и приехала пригласить вас на нашу свадьбу.

– Ах, Вика! – воскликнула мама. – Но мы его даже не знаем! Хоть бы привезла его к нам! Представила нас. Кто он вообще такой? Где вы познакомились? Как давно вы вместе? Столько вопросов...

– Я всё тебе расскажу сейчас, понимаю твоё нетерпение, давай сначала с Артуром закончим. Мне кажется, что это было прямо-таки простое задание, потому что, когда молодая и красивая девушка вроде меня достаёт из сумки фотографию мужчины, даже ребёнок догадался бы, что это, скорее всего, муж. Ты меня не убедил, Артур. Что бы ещё придумать? – она наморщилась и похлопала указательным пальцем по губам.

Пока она сидела в раздумье, я смотрел на неё и неожиданно для самого себя увидел в голове картинку, как Вика стоит с большим животом, выпяченным вперед как-то неестественно.

– Я могу ещё сказать, что вы с ним скоро станете папой и мамой. Ты беременна, так... – выпалил я.

– Что ты говоришь? Вика! Это правда? – воскликнула мама.

Вика вытаращила на меня глаза.

– Вот это да! Без паники, Нина, я всё объясню, – обратилась она уже к маме, увидев её изумлённый взгляд, но тут же снова повернулась ко мне: – ты прав, у меня четвёртый месяц беременности сейчас. Но это уже не для твоих ушей, – опомнившись, замахала она руками. – Ладно, мой дорогой, иди, развлекайся, а мне твоей маме надо многое рассказать.

Я встал из-за стола.

– И закрой за собой дверь! – крикнула она, когда я выходил из кухни.

Я проковылял в свою комнату и продолжил возиться с телевизором. Видимо, задремал под какую-то программу, потому что вздрогнул, когда услышал громкий, весёлый голос Вики над моим ухом:

– Пока, малыш, выздоравливай и маму не огорчай больше своими шалостями!

– Пока, Вика, рад был тебя увидеть! – Я отвернулся носом к стене и заснул.

На следующий день маме позвонила её тётка и сказала, что хочет к нам приехать, тем более что мы уже больше года не виделись, она соскучилась. Папа верно подметил, что Вика, похоже, рассказала ей о моих способностях, и тётка захотела увидеть своими глазами одарённого родственника. А это, скорее всего, приведёт к тому, что молва о необычном ребёнке скоро начнёт разрастаться. Родители не хотели, чтобы ко мне стали приходить люди со своими многочисленными проблемами, старались уберечь от переживаний, вызываемых чужими страданиями. Поэтому папа попросил маму, чтобы она как-то постаралась отсрочить приезд любопытной родственницы и предупредить Вика, чтобы та никому больше ничего не рассказывала.

Через две недели с меня сняли гипс и повязки, и я снова смог ходить в школу и гулять.

Но как ни старались родители уберечь меня от ненужных проблем, информация о моих способностях стала распространяться среди наших родственников и каким-то образом долетела до соседей по дому.

Спустя два месяца после приезда Вики, мои родители да и я сам уже окончательно убедились, что я могу видеть яркие моменты будущего и прошлого и соотносить их с людьми, а при большей концентрации и более конкретной постановке вопроса смогу и уточнить детали видений.

Однажды, вытащив свой велосипед на улицу, я уже было собирался запрыгнуть на сиденье и укатить в парк, как ко мне подбежала наша соседка с верхнего этажа Мария Орлова. Уже немолодая и крайне любопытная особа, она одна из первых узнала, что в доме живёт мальчик, обладающий «даром предвиденья», как она это называла. Она затащила меня к себе домой под предлогом передачи мне журнала, который якобы просила у неё моя мама.

– Заходи, заходи, не стесняйся. Хочешь конфетку или пирожок? – дребезжащим голосом заискивающе произнесла она.

– Нет, спасибо, я только что пообедал, поэтому ничего не хочу. – Мне было неприятно ее обращение и тем более не хотелось у нее ничего есть. Я постоянно съеживался под взглядом ее хитрых маленьких глаз.

– Пойдём со мной в гостиную, я отдам тебе журнал. Нет, нет, обувь не снимай, – затараторила она, когда я постарался стянуть кроссовки.

Мы вошли в гостиную, заставленную непропорционально большой для такой маленькой комнатки мебелью, отчего та казалась тёмной и очень узкой. Мне стало неудобно, с первого взгляда было понятно, что здесь живут любители тащить всё в дом, потому что вся мебель была забита до отказа каким-то барахлом. Это было видно сквозь приоткрытые дверцы шкафов и тумбочек. Я кинул взгляд на балкон, где скопилось много старья: кажется, это были старые лыжи, торчало ржавое колесо велосипеда, стояли необтесанные доски с торчащими занозами, когда-то давно покрашенные зеленой краской, которая давно облупилась и выцвела. Я съежился еще сильнее.

– Ты садись, садись, – скрипела она.

– Спасибо, вы бы мне дали журнал, и я пойду, наверное. – Произнес я, несколько раз обернувшись на входную дверь, проверяя не заперта ли она.

– Подожди, я хотела задать тебе один маленький вопрос, – ехидно сказала Мария, – ты и вправду можешь предсказывать будущее и видеть прошлое? А-то ходят такие слухи.

– Ну, мне, вообще-то, запрещено разговаривать на эту тему.

– Мне ты можешь сказать, я-то уж точно умею держать язык за зубами! Тем более что мы очень несчастны с мужем, нам некому помочь, у нас случилось такое горе!

В её глазах я увидел слёзы.

– Горе? Какое горе? – тихо спросил я и снова обернулся на дверь. Удостоверившись, что она не заперта, я немного успокоился и спросил: – и чем я смогу вам помочь?

– Понимаешь, у нас пропал близкий родственник. Родной брат моего мужа. Ну, ты, наверное, знаешь, что муж мой работает вместе с твоим отцом. Ну вот, Боря, его брат, тоже с ними работал. Последним, кто видел Борю, был мой муж, они расстались с ним на платформе станции метро, муж поехал домой, а Боря – к своей бывшей жене, больше его никто не видел. Мы уже полгода не знаем, что с ним.

– Дайте мне фотографию Бори, – прошептал я, мне стало жалко эту женщину, и я подумал, что постараюсь помочь ей, а потом просто попрошу ничего никому не говорить. Почему-то я поверил, что она меня послушает.

– Вот, держи, – она протянула мне помятую и заляпанную чем-то фотографию.

Я внимательно изучил лицо изображённого на ней мужчины. Потом перевёл взгляд на Марию и вздрогнул. Передо мной возникла картинка. Соседка со злорадной улыбкой, абсолютно уверенная, что ей уже ничего не помешает, шарила по квартире этого мужчины, сгребая в коробки всё, что попадалось ей под руки: какие-то золотые кубки, посуду, висевшие на стенах коллекционные ножи, картины. Потом прошлась по ящикам письменного стола, вытряхнув оттуда какие-то штуки, залезла в шкаф, обшарила карманы одежды.

– Что? Ты что-то увидел? Что с ним случилось? Он жив? – допытывалась она.

– Подождите минутку.

Я постарался сконцентрироваться на лице. Жуткая картина всплыла перед моими глазами: его пытали двое мужчин, жестоко и мучительно, а потом подошёл третий, стоявший до этого в стороне, и ударил его ножом в сердце.

– Он умер, умер, его убили! – закричал я, и слёзы предательски покатались по моему лицу. Я выскочил из её квартиры как ошпаренный и тут же рванул домой.

Уткнувшись в маму, которая бросила готовить ужин и с недоумением то заглядывала мне в глаза, то сильно прижимала к себе, я немного успокоился. Я чувствовал себя глупо, что разрыдался, но после всего увиденного, просто не мог остановиться. Когда картина убийства всплыла перед глазами, мне стало так больно самому, что закололо сильно в боку и в груди! Я очень испугался. Звериная жестокость людей, совершивших это деяние, не укладывалась в моей детской голове. Картины изнывающего от боли мужчины и злорадного выражения лица соседки Марии, которая по большому счету радовалась его смерти, стали жуткими воспоминаниями детства, которые открыли мне новое знание какой иногда может быть реальность, прочно закрепив во мне чувство страха.

С работы вернулся папа. Я уже не помню, что он говорил тогда, но ему удалось меня растормошить и узнать, что приключилось. Тогда он мне пообещал, что сделает всё возможное, чтобы никто меня больше не расстроил, и сдержал своё слово. Не знаю, что он сказал Марии и её мужу, но никто из соседей больше не пытался отловить меня и попросить о чём-либо, хотя, по рассказам моих школьных и дворовых друзей, эта история получила большую огласку. Люди всё же стали судачить о мальчишке с «даром предвиденья». В скором времени среди детей и подростков эта история обросла небылицами и практически превратилась в сказку со счастливым

концом, где, в довершение всего, я спасал мужчину от неминуемой гибели и меня награждали Государственной премией. Я был не против такого финала, почувствовав себя настоящим героем!

Все последующие годы папа регулярно со мной занимался, развивая мои способности и внутреннюю силу. Он учил меня узнавать цвета и геометрические фигуры, а также читать любые надписи или тексты с закрытыми глазами, диагностировать отклонения в работе внутренних органов человека, направлять и регулировать потоки собственной энергии. Я научился рисовать с закрытыми глазами, изображая видения, которые приходили ко мне, научился запоминать большие объёмы информации и чётко, без запинки, выуживать из памяти ответы на задаваемые вопросы. Он говорил, что я лучший из всех его учеников, хоть и самый молодой. И мне была очень приятна его похвала.

Наши занятия проходили строго в соответствии с составленным папой графиком. Он требовал четкой дисциплины. Однако всегда реагировал на мои замечания относительно процесса моего «познания себя» и корректировал в соответствии с ними учебный процесс.

В восемнадцать лет после окончания школы я пошел по его стопам, а именно поступил в Академию Федеральной Службы Безопасности нашей страны. О престиже этого высшего учебного заведения известно в определённых кругах, который подтверждается ещё тем фактом, что попасть в ряды его студентов нелегко. Обучающаяся здесь молодёжь с пелёнок воспитана на уважении к работе в ФСБ, переданному им по наследству от родителей. Девять из десяти всех поступивших вместе со мной первокурсников были детьми тех, кто большую часть своей жизни работал в ФСБ. Люди поколениями служили на благо родине, и я среди них оказался неслучайно.

Мой дед, будучи полковым офицером, ещё до начала Второй мировой войны осуществлял подготовку солдат для прохождения полного цикла военной службы. Он трудился в штабе и был одним из разработчиков всесторонних учебных программ для новобранцев, основная цель которых заключалась в обеспечении слаженности действий и единства военного подразделения. В самом начале войны он попал в плен, а спустя полтора года был освобождён советскими солдатами и переведён в Генеральный штаб армии, но при переезде где-то погиб, и до сих пор его имя значится среди без вести пропавших. После празднования Дня Великой Победы советских войск во Второй мировой войне бабушка с моим папой, которому было чуть более шести лет, в поисках работы уехала в Москву, где устроилась ткачихой на фабрику в Сокольниках.

Друзья моего деда по службе и их жёны были частыми гостями в доме бабушки в послевоенные годы. А она снова вышла замуж за фронтового друга деда Николая, который и решил всю дальнейшую судьбу моего папы и преопределил мою.

– Сашка, ты ж в этом году школу заканчиваешь. Чем планируешь заниматься? – спросил он папу однажды.

– Думал в училище пойти на медицинского работника, и мама вроде не против.

– На медицинского, говоришь... Медсестрой хочешь стать? Или как это по-другому называется, когда мужик женскую работу выполняет? – ухмыльнулся он.

– Медбрат, – тихо ответил папа.

– Давай, не мудри, я напишу тебе рекомендацию, и поступай-ка ты в Высшую школу КГБ, тем более что с такими заслугами, как у твоего отца, думаю, что с поступлением проблем у тебя не будет.

Так было принято решение о дальнейшем обучении папы. Более двадцати лет после окончания Высшей школы КГБ (во времена Советской власти Академия Федеральной Службы Безопасности носила именно такое название) он отработал в Комитете государственной безопасности (современное название – Федеральная Служба Безопасности Российской Федерации). Большая часть его работы была засекречена, результаты его деятельности до сих пор

хранятся в архивах под грифом «совершенно секретно». Он считался одним из лучших психологов и экстрасенсов, способных не только распознать истинные мотивы поведения человека, но и предугадать его дальнейшие действия. В его окружении считали, что он обладает способностями, которые обычным людям неподвластны, что он может видеть действия людей, находясь от них на значительном расстоянии.

В ночь перед первым днем начала занятий в Академии, я волновался, крутился в кровати, спал поверхностно. Так, в полудреме, у меня было видение.

Как обычно, я шёл один по яблоневой аллее к парку, мне всё равно было куда двигаться, главное – не домой, в это молчаливое царство. Я глубоко втянул носом чистый прохладный воздух. Как же хорошо дышится ночью! Побродив какое-то время, уже подумал о том, что пора бы возвращаться, иначе опоздаю в Академию. Но тут мой взгляд упал на человека, сидящего на скамейке ко мне спиной. Силуэт мне был как будто знаком, и вскоре я понял кто это.

– Ангел мой! – выдохнул я. И кинулся к нему.

Ангел повернул ко мне улыбающееся лицо. Он был очень похож на меня, только лет на десять постарше и гораздо больше в размерах. Он положил руку мне на плечо, как только я присел рядом, и я сразу же почувствовал тепло от его прикосновения. Мы просидели долго, в тишине, мне было так тепло и хорошо и я подумал о том, что больше никуда не хочу идти. Я остаюсь с ним!

Сквозь полудрему я понимал, что уже давно наступило утро и пора вставать, только не хотелось. Неожиданно ангел заговорил, а его голос прозвучал баритоном с удаляющимся эхом, словно мы были в пустой комнате с высоким потолком:

– Просыпайся, Артур, тебе пора в Академию! Ты встретишь там проводника. Узнаешь его по рукам! Иди за ним.

Картинка резко исчезла.

Последние две фразы я услышал очень четко и уже не во сне.

Я сел на кровати, переводя дыхание, как после долгой пробежки. В голове крутилось: «Узнаешь по рукам. Иди за ним». Я точно знал, что видел своего ангела-хранителя! А на душе почему-то чувствовал невероятное облегчение и радость от осознания, что мне открывался дальнейший путь, обозначенный свыше, а с ним новые надежды и впечатления.

2. Профессор Манусов

– Артур! Привет! – услышал я знакомый голос за спиной и обернулся.

Это был мой школьный друг Серега. Мы вместе с ним поступили в Академию Федеральной Службы Безопасности на переводческий факультет.

На самом деле выбран этот факультет был уже давно. Папа считал его одним из лучших в Академии, да и я сам по складу ума больше был гуманитарием. Не питая особого интереса в познании математики, физики и других точных наук, я с лёгкостью развивал языковые навыки. Здесь я был на высоте! На момент поступления я уже неплохо владел пятью иностранными языками. Помимо английского, который я изучал в школе, за время тренировок с папой я успел выучить польский, французский, немецкий и румынский.

Серега сразу сказал, что заморачиваться не собирается и пойдёт учиться со мной. Я считал, что он поступает правильно, поскольку его любовь к общению и литературе также склоняла его в пользу выбора гуманитарного образования. Несмотря на свою взбалмошность, он был очень начитанным парнем с блестящей эрудицией.

– Привет, Сер! Как ты? – в ещё незнакомой обстановке я был рад его видеть как никогда.

– Отлично, трясусь только немного, всё-таки первый день в Академии! – ответил он, подергивая руками и ногами, изображая озноб.

– Не нервничай так, – улыбнулся я, – я думаю, всё хорошо пройдёт. У тебя расписание занятий есть?

– Ага, хватай, – он протянул мне листок с расписанием, из которого я узнал, что первым занятием была лекция по философии в 214 аудитории.

– Ого! У нас первая философия! Десять минут осталось, а нам надо ещё найти аудиторию, пойдём скорее! – сказал я и потянул его за рукав. Мне не хотелось в первый же день опоздать.

Мы взбежали по лестнице на второй этаж и сразу же увидели табличку «214», прикреплённую над входом в аудиторию. Я открыл дверь, и мы оказались в огромном, как мне показалось тогда, зале с трибуной и доской во всю стену справа от нас и несколькими рядами столов с приделанными к ним сидениями – слева. Практически все возвышающиеся один над другим ряды сидений были забиты студентами – первокурсниками, точнее, в основном, первокурсницами. Около ста пар глаз уставились на нас.

– Сколько девчонок! Обалдеть! – процедил сквозь зубы Серега. – И правда, переводческий факультет – это супер! Их раз в десять больше, чем парней!

– Давай найдём где сесть, – шепнул я другу, не обращая внимания на его реплики.

Мы стали подниматься по ступенькам вдоль рядов, высматривая себе свободные места. Неожиданно я услышал знакомый женский голос:

– Привет, ребята! Что-то вы запаздываете, в первый день надо приходиться пораньше.

– Ася! Привет! Рад тебя видеть! Я почему-то думал, что это ты опоздаешь и придёшь уже после начала занятия, ты же всегда везде опаздываешь! – обрадовался я, увидев знакомое лицо.

Ася была нашей одноклассницей, да еще и жила со мной в одном доме.

– Нет, сильно волновалась, поэтому и пришла пораньше. Можно с вами? – и не дождавшись ответа, Ася встала, схватила разложенные учебники и пошла за нами. – Я вот подумала и решила, что буду теперь я у тебя списывать, так же, как ты у меня в школе математику списывал, ты же у нас гений языковой! – говорила она за моей спиной.

– Вот ещё! Деловая! Я первый на очереди, – услышал впереди идущий Серега и начал что-то возмущённо бухтеть себе под нос.

Ася захихикала, и на её щеках образовались милые ямочки. Я сам себе удивлялся: почему я так рад был её увидеть? Хотя виделись мы буквально вчера, когда она со своей мамой приходила к нам в гости.

– Хорошо, хорошо, не ссорьтесь вы! Ещё занятия даже не начались, а вы уже думаете о том, у кого и как списывать! – примирительно сказал я. – Пойдёмте еще выше, там места вроде есть на галёрке.

– Я буду с вами сидеть. – Настойчиво сказала Ася. – А то мне одной как-то не по себе здесь, я пока никого, кроме вас, не знаю.

– Здесь все такие, никто и никого не знает! – огрызнулся Серега, ему явно не хотелось, чтобы Ася шла с нами. Ведь вокруг такое количество новых девчонок, а ему придётся просидеть лекцию в обществе бывшей одноклассницы!

– Да хватит уже, Сер! Конечно, пойдём, – позвал я ее. Мы взобрались на предпоследний ряд, он был полупустой, поэтому мы свободно там разместились.

Буквально через минуту после того, как мы уселись, дверь в аудиторию распахнулась, и вошёл преподаватель.

Это был невысокий мужчина средних лет, среднего роста и крепкого телосложения, с круглой лысеющей головой. Одет он был в чёрный строгий костюм и белоснежную рубашку с высоким распахнутым воротом. В руках он держал папку с бумагами, на кончике его носа висели узенькие очки в прямоугольной оправе. Он прошёл на трибуну, посмотрел на часы и стал раскладывать перед собой бумаги.

«Вправо, влево, какие-то знакомые движения! На папу моего чем-то похож!» – подумал я. Я немного вздрогнул от промелькнувшей в голове мысли, что этот человек тоже обо мне думает. Но постарался отогнать ее, так как мне сложно было в это поверить.

– Всех приветствую! – произнёс он громко и уверенно, пробегая взглядом по замершим в ожидании студентам. – Уважаемые студенты! Поздравляю вас с поступлением в Академию Федеральной Службы Безопасности и с первым учебным днём!

– Спасибо, – прошелестело по рядам.

– Меня зовут Анатолий Федорович Манусов. Ваша первая лекция, надеюсь, вы успели посмотреть и изучить расписание, – по философии. В первой части вводного занятия я хотел бы познакомить вас с направлениями, которые будет включать наш цикл лекций по философии на этот семестр. Во второй части я прочту вам материал о месте философии в системе научного знания и, если успею, начну говорить об античной философии, затем выслушаю ваши вопросы, и мы разойдёмся до завтрашнего дня. Завтра состоится ваш первый семинар, то есть практическое занятие, по предмету. В этом семестре у нас будет по две лекции и по два семинара в неделю. Расписание, конечно же, ещё будет утрясаться, но в целом объём часов не должен измениться. Наши лекции будут проходить примерно в таком режиме: первые десять-двадцать минут – повторение прошлого материала, мои вопросы, остальное время – новый материал и ваши вопросы. Предупреждаю сразу, чтобы в дальнейшем проблем у нас с вами не возникало: опоздали – в аудиторию можете не входить, я не впускаю опоздавших. Всё понятно?

– Да-а-а, – прошипел зал.

– Отлично, приступим. Итак, цель нашего курса – дать вам представление о предмете, познакомить с трудами и основными достижениями выдающихся философов, сформировать у вас чёткое представление об основных тенденциях развития этой области знаний. Изучать мы будем этот курс целый год, по завершении вы сдадите экзамен, – он сделал паузу и улыбнулся, мне показалось, что слово «экзамен» он произнес с особым удовольствием. – Давайте определим тематику нашего курса. Прежде всего, это история философии. Она включает в себя изучение античной философии Древней Греции и в меньшей степени Древнего Рима. Почему в меньшей – вы поймёте по ходу курса. А также философии средневековья, философии эпохи Возрождения, Просвещения. Поговорим о противоположности эмпиризма и рационализма, о классической и неоклассической немецкой философии, рассмотрим труды основных пред-

ставителей герменевтики и остановимся на философских трудах девятнадцатого и двадцатого веков.

– Кошмар, столько непонятных слов за пять минут лекции! – прошептал Серега мне в ухо.

– Итак, – продолжал громко, отчеканивая каждое слово, профессор, – о предмете философии, её месте в системе научного знания. По ходу лекции я буду делать остановки, вы сможете задать возникшие у вас вопросы.

По рядам студентов пробежал шелест открывающихся тетрадей.

– Какой он серьёзный, я уже его боюсь! – прошептала Ася.

– Вечно ты всего боишься! – ответил ей Серега. – Посмотри на него, не такой уж он и страшный, чем-то он напоминает Индиану Джонса, а если ему шляпу нацепить – вообще сходство будет идеальное.

Я наклонился к Сереге и зашипел:

– Тихо вы! Я ничего из-за вас не слышу! Лучше записывайте, он уже пол-лекции прочёл, а вы ещё ничего не написали. Я вам конспект потом не дам!

Не поднимая головы, профессор Манусов посмотрел в нашу сторону поверх очков.

– Молодой человек! На последнем ряду! – Неожиданно позвал он, а я невольно вздрогнул, поскольку знал, что он точно ко мне обращается.

Я взглянул в глаза профессору и ткнул себе в грудь указательным пальцем.

– Да, вот вы! Как ваша фамилия?

– Волатуров, – выдал я из себя в оцепенении.

У профессора на секунду расширились глаза, и он улыбнулся той же улыбкой, что и при слове «экзамен». Я почувствовал, как у меня на затылке волосы зашевелились.

– Надо же! У вас уже созрел вопрос? Так задайте его мне! Или вы думаете, что ваш сосед по парте знает больше?

– Извините, профессор Манусов! Я случайно отвлёкся. – Дрожанием голосом произнес я.

– Завтра на семинаре я спрошу вас первым! – отчеканил он категорично и продолжил лекцию, а я с отчаянием и укоризной взглянул на друзей. Однако те даже не обернулись в мою сторону, сидели с побелевшими от страха лицами, не шевелясь и не отрывая глаз от профессора.

Когда лекция стала подходить к концу, тон профессора стал мягче, и он поинтересовался есть ли у кого вопросы относительно представленного материала.

– Теперь домашнее задание, – сказал он, после того как обежал молчаливую аудиторию взглядом: никто не задал ни единого вопроса. – За время всего цикла наших лекций вы напишете несколько эссе по теме уникальности и месте бытия человека в мире. Так вот, к завтрашнему дню вы должны написать небольшое эссе по идее человеческой души: опишите, чем человек отличается от остального животного мира с точки зрения философии, опишите отличия врождённых и воспитанных свойств души на вашем собственном примере и порассуждайте на тему смертности и бессмертия души. Студент Волатуров! – сказал он, посмотрев на меня. – Подготовьтесь хорошо, вы выступите первым и подадите пример своим коллегам.

Я обреченно кивнул. Лекция закончилась, профессор первым покинул аудиторию. Несколько человек обернулись в мою сторону и сочувственно посмотрели на меня.

– Прости, друг, я не ожидал, что так получится, я тебя подставил. Этот Индиана Джонс по ходу затаился и начнёт придирается к тебе по каждой мелочи, – сказал Серега с досадой в голосе.

– Успокойся, ничего он не начнёт. Я почувствовал, что, как только он вошёл в аудиторию, он почему-то уже думал обо мне. Поэтому если не сегодня, то завтра бы на семинаре он всё равно вызвал меня отвечать первым по фамилии. – Изображая спокойствие, отмахнулся я, стараясь выглядеть храбрее в глазах друга.

– Ну, как скажешь! – С облегчением выдохнул он. – Раз ты так уверенно говоришь, я поверю тебе! Ты ж у нас телепат!

– Не болтай глупости, никакой я не телепат, просто чувствую некоторые моменты, ты же знаешь. – Сказал я уже раздраженно, невольно выдавая свой страх, но Серега понимающе сделал вид, что ничего не заметил.

– Ребята, следующая лекция будет по экономике в этой же аудитории, поэтому я, наверное, оставлю свои учебники здесь, а сама слетаю в банкомат, – сказала Ася, вешая сумочку на плечо.

– Давай уже, лети, лети, моя птичка! – Серега хотел дотронуться до ее подбородка, но она смело ударила его по руке. Казалось, он не мог не прицепиться к кому-то.

– Чего лезешь! – нахмурилась Ася и резко развернулась.

– Да не лезу я, не лезу! Просто ты так прикольно бесишься! – захохотал Серега ей вслед. – А мы пойдём и посмотрим, что продают в буфете, – сказал он, довольный поглаживая себя по животу, – от полученного стресса мне захотелось есть. Пойдём, друг?

– Пошли, – согласился я. В моем желудке тоже было пусто.

Мы спустились на первый этаж здания, прошли по коридору вдоль лекционных аудиторий и оказались в большом холле. Серега втянул носом запах свежееиспечённых булочек, доносившийся из буфета.

«Да, не зря он уговорил меня купить пирожок с яйцом и луком! Он и вправду очень вкусный!» – подумал я. Столики здесь были небольшие и высокие, мы встали за один из них. За соседним стояли две девчонки с нашего потока. Друг покосился в их сторону.

– Смотри, ты их видел? Какие симпатичные девчонки сидели недалеко от нас на лекции! Особенно вон та – блондинка. Вообще – супер. Когда мы стояли в кассу, они как раз были за нами, и я видел, как эта блондинка постоянно смотрела в нашу сторону, глазки строила! И подружка тоже ничего такая. Как тебе? Может, подойдём, познакомимся?

– Успеешь ещё, они с нами долго учиться будут. Давай не сегодня, – поморщился я, мне не хотелось идти и с кем-то знакомиться, я еще не отошел от ситуации с Манусовым.

– Обалдеваю от твоей скромности! Ты глянь, как они на нас смотрят! Давай же подойдём! Она и вправду красotka! – настаивал Серега.

В движениях и взгляде друга я увидел хорошо знакомую мне нетерпеливость. Он заигрывал с девчонками, посылал им улыбки и подмигивал.

– Не волнуйся. Ну допустим, она красивая? Ты думаешь, все сразу кинутся с ней знакомиться? – я поднял глаза вверх, хорошо понимая, что это разозлит моего друга, однако в то же время переключит его внимание с девушек на меня.

– Странный ты, как всегда, в своём репертуаре! Никто тебе не нужен! А я – нормальный человек и хочу познакомиться с красивой девушкой! – забухтел он.

– У меня сейчас голова другим забита. Думаю, как лучше написать эссе. Не тебе же завтра первым выступать! – примирительно пояснил я.

– Хорошо, на сегодня я сдаюсь. Но учти, долго я не вытерплю, всё равно подойду к ним.

– Ладно, пошли в аудиторию, Ася уже, наверное, ждёт нас.

– Ася! Ася! – раздражённо сказал Серега. – Хорошо, что она ещё не в нашей группе, а то так бы за нами и ходила!

– Мне кажется, ты Аське нравишься! – улыбнулся я. – Вот она и ходит.

– Конечно, еще бы! Я всем нравлюсь! – притворно вздохнул и сразу захохотал друг. – Но не всем отвечаю взаимностью. Возможно, слишком я хорош для нее. А она слишком рассеянная, все время в облаках где-то.

– Ну у тебя и самомнение! – засмеялся я в ответ. – Нормальная девчонка! Добрая, умная, спокойная. Чего еще тебе надо? Не пойму.

– Я уверен, что та блондинка и её подруга тоже добрые и умные, только они ещё и веселые. Понимаешь? – оскалился друг.

Сергеа занервничал. Зная его взрывной и обидчивый характер, я не стал развивать эту тему дальше, ему нужно время, чтобы переключиться. Скрытый и вспыльчивый, остроумный и настойчивый, всегда готовый к общению, Серега имел успех у девушек и легко заводил новые знакомства, умел быстро располагать к себе людей, как женщин, так и мужчин. При этом общаться с ним длительное время было тяжело из-за его непрекращающейся кипучей энергии, и удавалось это немногим, только особо терпеливым и нетемпераментным. Не все его связи были недолговечны: девушки часто менялись, а новообретённые друзья, которые мало его знали, исчезали, не терпя его взрывной характер. Серега часто хвастался своими победами над женскими сердцами в обществе парней, отпускал шуточки на эту тему. Даже в юном возрасте он без зазрения совести пользовался доверчивостью девушек, играл на чувствах, преследуя только одну цель – заполучить женское тело. Хотя бывали случаи, что иногда действительно влюблялся, но чувства эти оставались мимолетны. Тем не менее, понимая как мало настоящих друзей, Серега ценил нашу дружбу, иногда огромным усилием воли сдерживаясь, чтоб не задевать меня лишним раз своими подколами. А мне зато с ним никогда не было скучно, он наполнял мою жизнь движением и азартом, а я его искренне любил как друга.

Вторая лекция по экономике прошла гораздо спокойнее. Не молодая, но энергичная женщина смогла завладеть вниманием каждого в аудитории в первые же секунды своего доклада. Лекция понравилась всем без исключения студентам, преподаватель приводила много интересных примеров на теоретические заключения и показывала видеоматериалы с конференций и саммитов, посвящённых экономическим аспектам развития стран.

После этого мы выслушали ещё две совмещённые лекции по истории России, которые прочитал нудным голосом умудрённый опытом пожилой профессор. Его скучающий взгляд редко скользил по рядам студентов, больше был устремлен в край стола. Мне было хорошо сверху видно, как некоторые откровенно зевали, некоторые перешёптывались, обсуждая насущные вопросы, кто-то просто рисовал в тетрадках какие-то каракули, явно не слушая лектора.

После учёбы я помчался домой. Мама ещё не пришла с работы, и я подумал, что выполнение задания по философии лучше не откладывать в долгий ящик, а-то в её присутствии не смогу собраться. Когда с кухни потянет вкусным запахом ужина, уже будет не до эссе.

Для начала мне необходимо было сконцентрироваться. Я лёг на кровать, закрыл глаза и не заметил, как через какое-то время начал разговор с ангелом.

– Ангел, скажи, почему профессор Манусов мною заинтересовался? – обратился я в пустоту, вспоминая его образ и представляя как его очертания становятся отчетливее в небольшой дымке.

– Так должно быть, и ты его не бойся, – услышал я мысленный ответ. Голос прозвучал внутри меня.

– А что мне написать в эссе? Чего он ждёт от меня?

– Пиши то, что чувствуешь. Только пиши от руки, так ты сможешь точнее передать свое отношение к теме, свои эмоции.

Я задал еще несколько вопросов, но ответа больше не получил. Тогда я сел за письменный стол и сосредоточился на эссе.

«Быть откровенным! Писать, что чувствую!» – пришла мне мысль. Я склонился над белым листом, и мои мысли хлынули потоком, отразившись на бумаге синими чернилами. Я писал и не мог остановиться, пока не окончился этот поток. Наконец он иссяк и я поставил точку. Пару раз перечитав эссе, я исправил синтаксические ошибки в некоторых местах и бросил исписанный лист в папку.

Пока я был занят, мама уже успела вернуться с работы, поэтому на кухне уже что-то вкусное журчало в сковороде.

– Привет, мам. Ты уже пришла? Я даже и не заметил, – поздоровался я с порога кухни.

– Да уже как полчаса. Не стала тебя беспокоить, подумала, что ты занят, раз сам не выходишь. Ужинать будешь? – спросила она.

Я заметил, что у неё было очень хорошее настроение, которое тут же передалось мне, и я одним прыжком плюхнулся за стол, жадно вдыхая теплый аромат мясного рагу.

На следующее утро состоялся семинар по философии. В тот день впервые наша мужская группа переводческого факультета собрались вместе. Остальные четыре группы были женскими. Девчонки учились параллельно с нами, у них были те же самые семинары, только в другом порядке.

Мы скучковались перед входом в аудиторию в ожидании преподавателя. Ребята о чем-то перешептывались, а я стоял в стороне, поскольку ни о чем думать и говорить, кроме предстоящего выступления, я не мог.

От тревожных мыслей меня отвлек сам профессор Манусов. Он пришел быстрым и уверенным шагом по коридору, громко поздоровался с нами и широким жестом открыл дверь в аудиторию. Внешне я старался выглядеть спокойно и принял на себя безмятежный вид, а сам периодически поеживался от волнения и в уме лихорадочно повторял основные моменты из эссе, иногда вспоминая детали.

– Занимайте места! – скомандовал профессор, пока мы общей кучей пихая друг друга вламывались в дверной проход. Увидев как Манусов раскладывал бумаги на столе все тем же знакомым движением, я снова отметил отдаленную схожесть его движений с папиными. Подождав, когда мы усядемся и утихнет общий гул, он перешел сразу к делу: – сегодня у нас первый семинар, посвященный тому, что мы уже с вами прошли на лекции. В качестве домашнего задания я просил вас написать эссе и пообещал студенту Волатурову, что он будет отвечать первым, – он взглянул на меня.

– Я готов, – тут же включился я, постаравшись, чтобы мой голос звучал как можно более уверенно, но он все равно сорвался.

– Это хорошо, через десять минут я вас вызову, – ответил он мне и, продолжая копаться в бумагах, обратился ко всем остальным: – а пока хочу проверить, как вы усваиваете лекционный материал. Я задам несколько вопросов, и вы постараетесь на них ответить.

Он задал два вопроса на понимание материала лекции. Оба достались полному парню, сидевшему за первой партой. Он явно метил на круглого отличника и четко оттарабанил зазубренный материал, что вызвало вздох облегчения у остальных в группе.

– Хорошо, – сказал профессор, – теперь слушаем ваши эссе. Прошу вас, – он посмотрел на меня.

Я нервно откашлялся и принялся зачитывать то, что вчера удалось набросать. В своей работе я описал наиболее явные, на мой взгляд, отличия человеческой души от душ других живых существ, обитающих на нашей Земле, привёл несколько примеров из своего детства, когда родители воспитывали мою душу, описал то, что я понимал под врожденными свойствами души, и высказал свое отношение к теории реинкарнации. По мере чтения мой голос становился всё увереннее и четче, пока не оборвался на последней фразе: «Я искренне верю в то, что, покинув тело, душа, которая ранее принадлежала человеку, продолжает существовать. Сохранив свою целостность, она продолжает сохранять знание высшей истины, помогать близким к ней при жизни людям или передает энергию и накопленную информацию в тела людей последующих поколений».

Я закончил, в аудитории стояла полная тишина, группа ждала реакции профессора на моё выступление.

Манусов с минуту молчал, как будто что-то разглядывая у себя на столе, потом задал неожиданный вопрос:

– Артур, бывают ли у вас моменты, когда вы выходите из дома, машинально закрыв дверь, а потом долго вспоминаете: действительно ли вы её закрыли на замок или нет? Или, например, вспоминаете: выключили ли плиту или какой другой электрический прибор, которым пользовались до выхода из дома? То есть такие вещи, которые мы часто делаем автоматически, а потом не можем вспомнить, как мы это делали? – прищурившись, он ожидал ответа.

– Нет, Анатолий Федорович, со мной не бывает, у меня хорошая память, поэтому я всё всегда помню. – Уверенно ответил я.

– Вы настолько уверены, что всегда всё помните? – усмехнувшись спросил он.

– Настолько же, насколько вы уверены, что хорошо знаете тот материал, который нам преподаёте. – Уже немного нагло ответил я, но тут же понял, что допустил оплошность.

Манусов сдвинул брови – ему не понравилось моё высказывание, и пристально на меня посмотрел. Я понял, что он ждёт каких-то пояснений.

– Я много тренировал память, папа со мной занимался, – извиняющимся тоном сказал я и опустил глаза.

– Вы излишне самонадеянны, Артур! Более того, если вы действительно так думаете, то нечестны, и прежде всего, с собой! – категорично, но не строго произнес Манусов. – Нашему мозгу свойственно записывать на подкорку те действия, которые мы совершаем чаще всего, давая возможность нам доводить их до автоматизма, чтобы совершать меньше усилий по обдумыванию чего-либо. Именно так и накапливается информация, о которой вы говорили. Через повторения каких-либо действий, за один раз ничего не произойдет. Но эту тему мы будем еще изучать, когда затронем труды Фрейда и типы бессознательных реакций. Вы владеете иностранными языками? – снова перевел он тему, похоже, удовлетворившись моим смущением и простив мою дерзость.

– Да, я могу общаться на пяти европейских языках. – Тихо ответил я.

Шепот удивления прошелестел по рядам моих одноклассников, а профессор лишь кивнул и довольно улыбнулся.

– Понятно. Я интересуюсь этим вот почему. Мне кажется, что у вас хорошие задатки, Артур. Не растрайте их попусту, – он пристально посмотрел на меня. – Значит, вы считаете, что душа – бессмертна? – уже громче сказал он, смотря на других студентов.

– Я в этом уверен, – решительно ответил я.

– Мне ваша позиция понятна. Спасибо. Ваша отметка – отлично, – он снова обежал взглядом группу. – Эту позицию разделяют многие крупные деятели философии. Однако существуют и другие мнения по поводу смертности и бессмертия души, в частности в материалистической философии. Кто в группе считает, что душа смертна, и приводит в своём эссе разумные пусть не доказательства, но доводы в пользу этого мировоззрения?

Полный парень-азиат с первой парты поднял руку.

– Как Ваша фамилия? – обратился к нему профессор.

– Меня зовут Тан, а фамилия моя – Цой.

Профессор кивнул.

– Пожалуйста, студент Цой, мы внимательно слушаем ваше эссе.

Гнусавым голосом Тан начал зачитывать свою работу. Надо отдать должное: в отличие от моего, его эссе было очень хорошо структурировано. Плавные литературные переходы с одной мысли на другую, логичные перечисления, отсутствие повторений создавали ощущение продуманности и чёткости излагаемого материала, демонстрируя начитанность и эрудицию автора. Это произвело соответствующий эффект. Мы слушали, открыв рты, – так красиво он излагал свои мысли. Однако, когда он закончил, я перевёл взгляд на преподавателя и заметил лёгкое недовольство на его лице.

– Спасибо, Тан. Сегодня я ставлю вам отлично за хорошую работу на семинаре, однако в следующий раз за такое эссе поставлю оценку ниже.

Шёпот возмущения прошёл по аудитории. «Как же так! Если уж за настолько хорошо написанное эссе ставят отметку хорошо, то чего ждать всем остальным?» – подумал я.

– Вам что-то не понравилось, Анатолий Федорович? – спросил Тан и испугано взглянул на Манусова.

– Я вам объясню: я прошу писать вас эссе только с той целью, чтобы узнать ваше личностное отношение к проблеме, и хочу слышать только ваши мысли и рассуждения! А в вашем эссе я увидел только мысли и некоторые перефразированные предложения из учебника по философии. Я ставлю вам отлично ещё и потому, что основная мысль в эссе принадлежит вам лично, а уж на то, откуда вы взяли формулировки, чтобы описать свою мысль, закрою глаза.

– Понятно, – ответил Тан, густо покраснев и опустив глаза в пол.

На семинаре было зачитано еще несколько эссе, после чего профессор обсудил с нами лекционный материал и подвел итог.

– Итак, наше занятие подходит к концу, и я прошу всех, кто не отвечал устно, сдать ваши письменные версии эссе, каждый получит за него отметку.

Группа сдала работы и стала покидать аудиторию. Я почему-то замешкался, почувствовал, что мне ненадолго надо задержаться. Действительно, интуиция меня не обманула. Когда все вышли, профессор обратился ко мне:

– Артур, зайдите ко мне на кафедру после занятий, часа в три, хорошо?

– Хорошо, – ответил я и выбежал из аудитории.

У дверей меня ждал Серега.

– Чего ты там закопался? – спросил он.

– Манусов попросил меня зайти к нему в три на кафедру, – шепнул я другу.

В тот день наши занятия закончились в час дня, и я размышлял, как же мне убить эти два часа до встречи с Манусовым. Я подумал о том, что неплохо было бы что-то перекусить, тем более что у меня осталось достаточно денег, которые мне давали родители на карманные расходы при поступлении, а я практически ничего еще не потратил, и спросил у Сереги:

– Тебе есть чем заняться? А-то я подумал, может, сходим перекусить куда-нибудь недалеко, у меня два часа свободного времени.

– Пошли, я с удовольствием. Здесь недалеко есть недорогая кафешка, там салаттики вкусные. Может туда? – предложил он.

У Сереги финансовая ситуация в семье была несколько лучше моей. Именно поэтому он был завсегдаем различных кафешек и знал, где можно неплохо и недорого провести время.

– Пошли, – согласился я.

Внутри кафе оказалось очень приятным. Маленький зал был уставлен небольшими черными круглыми столиками, окружёнными мягкими красными креслами, на красных стенах висели большие черно-белые фотографии старой Москвы в белых рамках, а на противоположной от входа стене располагалась барная стойка, за которой официант готовил заказ к выдаче. Чуть приглушённый свет создавал уютную атмосферу, играла современная музыка, но очень тихо. Мы уселись за один из столиков и заказали по салату и молочному коктейлю.

Нашу веселую болтовню прервал звук открывающейся входной двери. На пороге мы увидели тех девчонок, с которыми Серега хотел познакомиться вчера в буфете Академии. Они оглядели зал, и некоторое замешательство отразилось на их лицах, когда в углу кафе они заметили нас. Блондинка быстро сориентировалась и направилась к стоявшему рядом с нами столику, а я не мог оторвать от нее взгляда, она и вправду была красавицей. Я услышал, как Серега громко сглотнул залпом выпитый молочный коктейль, чем отвлек меня от созерцания девчонок.

Девушки уселись за столик и начали с интересом разглядывать меню. Как и я, они, похоже, были здесь в первый раз.

– Мне, пожалуйста, молочный коктейль и сэндвич с сыром и ветчиной, – сказала блондинка подошедшему официанту.

– Мне тоже коктейль – тихо и как-то неуверенно сказала вторая девчонка, помялась и добавила – и сэндвич с курицей.

Официант записал заказ, забрал меню и скрылся.

– Жертва сама пришла к похитителю! – прошептал Серега.

– Даже не вздумай! – огрызнулся я.

– Я не смогу спокойно сидеть, ты ж меня знаешь! Посмотри, как они на нас косятся и о чём-то перешёптываются, они явно нами заинтересовались, – у Сереги горели глаза.

– Ну и что теперь? Я сегодня не в настроении ни с кем знакомиться, я сейчас о Манусове больше думаю, чем о каких-то незнакомках.

– Сегодня ты меня своими отговорками не удержишь! Я пойду сейчас и приведу их за наш столик! – решительно сказал друг и уже начал привставать, опершись руками о бортики кресла.

– Сер! – мой голос прозвучал умоляюще. Я дернул его за рукав, стараясь усадить на место.

– Так, сиди и никуда не смей уходить! – велел мне друг как непослушному ребёнку, отстраняя мою руку.

Увидев, что он поднимается, девушки резко перестали смотреть в нашу сторону и сделали вид, что обсуждают какую-то интересную тему. И тема, видимо, была настолько интересна, что они, конечно же, не сразу заметили Серегу, вплотную подошедшего к их столику.

3. Посвящение в тайну

– Привет! – Серега обратил на себя внимание девушек.

– Привет! – спокойно и уверенно сказала блондинка и вопросительно взглянула на моего друга.

– Мы вот с другом, – не отрывая от нее взгляда, он указал рукой в мою сторону, – обсуждаем преподавателя по философии. И, честно говоря, очень обрадовались, когда увидели людей с нашего потока. Нам жизненно важно убедиться, что не только у нас он вызывает подкожные колики. – Серега передернулся, изображая озноб. – Что скажете?

Я, честно говоря, не ожидал, что друг начнёт знакомство с разговора о Манусове, и подумал, что, видимо, Серега растерял свой навык, но ошибся: задав этот вопрос, он попал в точку.

– Подкожные колики... – Захихикала блондинка. – Я не могу сказать, что прямо-таки колики, ничем он меня не напугал, хотя какое-то неприятное чувство все же вызывает. Но я бы постаралась наладить с ним отношения. – Сказала она и кокетливо посмотрела в мою сторону. – Вчера, когда этот профессор обратился к твоему другу на всю аудиторию, мне стало его жаль. Кстати, твой друг, казалось, нисколько не смутился, – она опять посмотрела на меня и смело улыбнулась.

– Он у нас вообще невозмутимый, – Серега тоже обернулся в мою сторону.

– Кстати, а как твой друг ответил на семинаре, Манусов же обещал его первым спросить? – поинтересовалась девушка, а я удивился, что она вспомнила об этом.

– Да отлично он ответил! Если хотите, можете его расспросить сами. Предлагаю к нам присоединиться, тем более, что такие красивые девушки не должны сидеть в одиночестве, – Сер широко улыбнулся, обнажив ровный ряд белых зубов.

«Вот, узнаю Серегу!» – подумал я.

– А твой друг не будет против? – блондинка посмотрела на меня и улыбнулась.

Серега обернулся и угрожающе округлил глаза, давая понять, что я должен ответить.

– Конечно же нет, – громко сказал, приподнимаясь с места и жестом приглашая их к нам присоединиться. Они тут же пересели за наш столик.

– Давайте познакомимся. Меня зовут Сергей, а этого невозмутимого товарища – Артур.

– Я Варя, – звонко представилась блондинка.

– Марго, – сухо ответила её подруга.

«Девочка-молчунья. – Подумал я про нее, но тут же пришла другая мысль, которая в итоге оказалась вернее. – Или, может, она просто привыкла молчать, находясь в тени Вари, видя, что общественное внимание принадлежит именно ей? Похоже, что девочка-то умная!»

Благодаря Серегиному красноречию нам все же удалось разговорить Марго. Мы немного обсудили философию и плавно перетекли к воспоминаниям о том, как каждый из нас готовился к поступлению в Академию и почему был выбран именно переводческий факультет.

За всё время общения я понял, что отношения между девочками очень неоднозначные. Настоящими подругами их назвать было сложно, я не увидел ни грамма теплоты по отношению друг к другу. Марго явно не нравилась блеск и яркость Вари, и каждый раз, когда та привлекала взгляды окружающих, она недовольно съеживалась или отворачивалась, словно это действие подчеркивало ее теневую сторону. В отместку она частенько пыталась её подловить на публице, чтобы та выглядела глупо, демонстрируя свое превосходство в уме. Надо отдать ей должное, она делала это очень искусно, только внимательный наблюдатель мог бы заметить нотки издёвки в её голосе. Но Варя на это никак не реагировала, можно сказать вообще не обращала внимание, оставаясь довольной собой, словно завистливые нападки Марго ей даже нравились.

«Какой-то замкнутый круг! Марго тоже была красивая девчонка! Если бы её очаровательную головку с каштановыми вьющимися волосами, не искажало недовольное выражение, от неё бы глаз невозможно было оторвать!» – подумал я.

Длинные светлые волосы обрамляли прекрасное личико Вари, на котором ярко выделялись красивые большие серые глаза и очаровательнейшая, не сходящая с лица, улыбка. Во время нашего общения она откровенно со мной флиртowała, строила мне глазки, смеялась только над моими шутками. Серега был явно не в ее вкусе, да и она ему быстро разонравилась. Это сразу стало понятно, как только он почувствовал, что звезда компании теперь не он, а эта девушка, Варя с необычайной лёгкостью перетягивала все внимание на себя. А Серега конкурентов недолюбливал и называл «высочками», хотя сам, честно признаться, был точно таким же. Он с большим удовольствием разговаривал с Марго и я быстро понял по его взгляду на девушку, что он решил идти до конца, поэтому когда та захотела сходить в палатку за журналом, друг охотно согласился её сопровождать.

– Мы отойдём ненадолго, – сказал мне Серега, подмигнув.

– Хорошо, только ненадолго! А то мне скоро надо уходить, ты же помнишь?

– Конечно, друг, – улыбнулся Серега и похлопав меня по плечу, быстро зашагал к выходу, подталкивая Марго вперёд.

Когда они ушли, между мной и Варей повисло неловкое молчание. Надо было о чём-то заговорить, но я совершенно не знал, что сказать. «Скорее всего, я покажусь ей безумно скучным и несовременным! Она так хорошо и со вкусом одета!» – почему-то подумал я. Всё в ней: коротенькое бежевое платье с рисунком синего павлина на правой стороне, подобранная в тон птицы сумочка с блестящим ремешком, босоножки на небольшом каблучке, аккуратный макияж, длинные уложенные крупными волнами волосы – гармонично смотрелось, ничего лишнего, всё идеально. Я убедился в том, что внешности она придавала огромное значение.

Варя первая нарушила молчание, и я отметил, что никакой неловкости она при этом не испытала. Она быстрым движением повесила стоящую на коленях сумочку на ручку кресла, сложила руки на столе и жизнерадостно спросила:

– Какой ты фильм последний раз смотрел?

– Андрей Рублёв, – ответил я, тут же отругав себя, что не соврал про какую-нибудь современную картину. Просто ни одно название новомодной картины мне в голову не пришло в тот момент.

– Что это? Не слышала о таком! – звонко хихикнула Варя.

– Это классика. Не мудрено, что ты не видела: молодёжь не часто смотрит Тарковского. Она притворно надула губы.

– Ты что? К молодёжи себя не причисляешь? Считаешь современное молодёжное кино недостойным своего внимания?

«Ого! Она тоже, похоже, отметила мою самонадеянность, вторя Манусову!» – подумал я.

– Я неправильно выразился. Возможно, я не очень современен и мне нравятся определённые вещи. Проблема во мне, а не в молодёжи. – Извиняющимся тоном ответил я.

– А в кино давно ходил? – неожиданно радостно и звонко спросила она. В её голосе чувствовались нотки неподдельного интереса к моей персоне.

«Мне показалось? Или эта фраза прозвучала как предложение сходить в кино?»

– Года полтора назад, – ответил я.

– Понятно. Ты не такой, как все! В кино с девушками не ходишь? – она помолчала, пристально посмотрев на меня, но тут же переключилась и широко улыбнулась подошедшему официанту.

Я собрался с духом и выпалил:

– Я действительно давно не был в кино. Может, сходим все вместе, с Серегой и Марго? Ты как? – удивляясь сам себе, предложил я.

– Я согласна! Когда? – решительно спросила она.

А я подумал: «Как же ловко меня подвели к этому предложению! Но мне показалось милым как Варя это провернула, с ней явно не соскучишься. Настоящий моторчик! Да еще и какой симпатичный!»

– Сейчас и узнаем! Вот и они.

В кафе вернулись Серега и Марго, и совместными усилиями мы решили запланировать поход в кино на пятницу после занятий.

После чего мне пришлось оставить Серегу и моих новых друзей, я торопился на встречу с Манусовым.

Мигом, как мне тогда показалось, домчавшись до Академии, я нашёл нужную мне аудиторию. Кафедра философии напоминала старую советскую библиотеку. Эта внушительная по размерам комната была одновременно и источником знаний, местом для работы преподавателей и студентов и просто уголком, где можно было поразмышлять или отдохнуть, почитав какой-нибудь философский труд. По периметру стен, не занимая только окна, стояли огромные в высоту потолка стеллажи со старыми книгами, архивными журналами и какими-то папками; в центре расположились столы, за которыми сидели сотрудники кафедры, также отделенные друг от друга стеллажами с книгами. Каждый входящий в это помещение сразу наткнулся на секретаря, роль которого обычно выполнял кто-то из студентов курса. Но в тот день, когда пришел я, на кафедре никого, кроме профессора не было.

Он сидел и что-то читал, одновременно делая пометки на полях. Я протиснулся между столами и шкафами и подошел к нему.

«Движения какие знакомые! Папа так же работал с документами!» – снова подивился я. С минуты я за ним наблюдал: каждой странице машинописного текста он уделял не более восьми секунд, за это время он успевал её просмотреть и внести корректировки. – «Вот это скорость!».

От тут же поднял на меня глаза.

– Артур! Присаживайся, – сказал он дружелюбно улыбнувшись и указал на стул, стоящий напротив него с другой стороны стола.

– Вы о чём-то хотели со мной поговорить, Анатолий Федорович? – спросил я, усаживаясь.

– Да, Артур. Перейду сразу к делу. Я понимаю, что ты ещё очень молод и у тебя вся жизнь впереди, но хотел бы тебе кое-что предложить. Естественно, согласиться с моим предложением или нет, зависит только от тебя. Я приму любое твоё решение.

– Что же? – не без интереса спросил я.

– Я хочу предложить тебе работу! – ответил профессор и посмотрел на меня поверх очков.

– Работу?! – удивился я. – Но я...

– Подожди. Для начала давай я тебе всё объясню, – перебил меня профессор. – Я хочу пригласить тебя стать сотрудником одного из подразделений Федеральной Службы Безопасности. Я занимаю должность начальника Управления международной деятельности, вот к себе в Управление и приглашаю. Мы работаем с иностранными спецслужбами, развиваем тесные контакты, организуем и участвуем в форумах и конференциях, где присутствуют представители таких же организаций из других стран, а также работаем над совместными проектами, например, такими как борьба с терроризмом, ... – он сделал паузу и откашлялся – и другими.

– Что я должен буду делать? И почему меня Вы решили позвать? – Изумленно спросил я.

– Знаешь, Артур, буду с тобой откровенен. Я неплохо знаю твоего отца, в последние годы мы тесно сотрудничали, я многому у него научился. Надо сказать, восхищаюсь его талантами. Он сделал немало для подготовки сотрудников секретных отделов, да и для моего управления изрядно потрудились. Однажды он рассказал мне о тебе, твоих способностях. Я сразу ему признался, что хотел бы иметь такого сотрудника в штате! И абсолютно уверен, что твой истинный

потенциал до конца не раскрыт. Кроме того, мне нравится брать на работу толковых студентов и готовить под себя. – Он встал с места и заходил по комнате. – Так вот, помимо своей основной работы, я веду некую закрытую деятельность. У меня в Управлении также есть несколько сотрудников, которые формально выполняют рутинную работу, а фактически занимаются секретной, в особенности ведения которой я планирую посвятить и тебя. – Он остановился около меня и посмотрел сверху вниз.

– И вы хотите, чтобы я вошёл в ряды этих сотрудников? – спросил я, съезживаясь под его взглядом.

– Именно! – твердо сказал он и снова заходил по комнате. – Тем более что мне будет несложно устроить тебя к нам в управление, ты владеешь языками, создаешь впечатление вполне ответственного, серьезного парня. Официально для всех ты будешь работать с иностранными партнёрами тех стран, с которыми сможешь легко общаться. Но основная работа будет сосредоточена на секретной деятельности. Посоветуйся с отцом и примите решение, мне кажется, он будет не против чтобы ты продолжал его дело.

– Хорошо, спасибо за предложение, я подумаю..., то есть мы подумаем... в общем обязательно дам скоро ответ, – заторопился я, но помедлив, решил уточнить: – а что за секретная деятельность?

– Об этом я скажу тебе позже. А пока переговоры с отцом, он поймёт... – искусственно натянув улыбку, ответил Манусов.

Я был в замешательстве и не знал, что ещё на это сказать, лишь беспрестанно кивал. «В первые дни учёбы в Академии получить такое предложение каждый студент посчитал бы за большую удачу! Но почему я колеблюсь?» – дивился я сам себе. Манусов как будто услышал мои мысли и нарочито спокойным тоном, явно не свойственным ему, произнес:

– Я понимаю твоё замешательство, для тебя всё это неожиданно, но я всё-таки хотел бы услышать от тебя ответ в ближайшие дни. По поводу учёбы ты можешь не волноваться, у тебя будет достаточно времени на все. Кроме того, оформить тебя на работу я смогу только ближе к концу следующего учебного года, а до этого проверю твои способности, и мы постараемся их развить. Я планирую лично с тобой заниматься. – Твёрдо заключил профессор.

«Ничего себе! Я же с детства я мечтал работать, как папа! Я видел какое удовольствие он получает от работы, и никогда, в общем-то, не сомневался, что пойду по его стопам. Но ведь я только поступил в Академию! Мне хочется погулять, пообщаться с другими студентами. Да и Варя мне понравилась. Какая красивая! Может на свидание ее приглашу! А тут такое предложение! Да ещё и в управлении международной деятельности, куда бы я точно даже после окончания Академии не сразу попал! Разве не об этом я мечтал?» – противоречивые мысли крутились в моей голове.

Манусов сложил руки в замок перед грудью и посмотрел мне в глаза. «Узнаешь по рукам. Иди за ним!» – вспомнил я слова ангела и, больше ни о чем не думая, решительно провозгласил:

– Я согласен!

– Ты уверен? У тебя есть время подумать! – теперь была очередь профессора удивляться. Я упрямо взглянул ему в глаза, давая понять, что решение окончательно.

– Понятно, я рад твоему решению. Но с отцом все равно обсудите. – Настаивал он. – Его мнение мне очень важно!

– Можно задать вопрос? – воодушевленно поинтересовался я.

– Задавай. – Махнув рукой, сказал профессор.

– Почему вы это делаете? Почему именно я?

– Понимаешь, Артур, я очень уважаю твоего отца, знаю его хорошо, знаю как он умеет подготовить кадры и не сомневаюсь, что под его началом ты уже прошел подготовку что надо. Если бы не это обстоятельство, возможно, рано или поздно, я бы пригласил тебя работать,

но только по окончании Академии и только в качестве рядового сотрудника управления. Но я зову тебя сейчас, чтобы ты с такой подготовкой не влип куда не следует, а продолжал то дело, к которому тебя готовили. Скоро все узнаешь!

– Меня к чему-то готовили?! Ничего не понимаю! И зачем мне надсмотрщик? – возмутился я, но виду особо не подал.

– Я не надсмотрщик, – твёрдо, чуть повысив голос, сказал он. – Я твой преподаватель и будущий начальник, относись ко мне именно так. Да, я попрошу тебя держать наш разговор в тайне! Ну, папе расскажешь только, и все. – Добавил он.

– Хорошо.

– Я рад, что ты согласился. А теперь мне надо уйти, не могу больше с тобой говорить. В субботу жду тебя у себя дома. Обсудим детали и проведём первое занятие. Вот адрес, – он быстро написал его на клочке бумаги и передал мне. – Жду тебя к одиннадцати утра.

Собрав бумаги и не попрощавшись, он быстро вышел из кабинета. В возбужденном состоянии, я побрел домой, обдумывая по дороге детали прошедшей встречи и будущий разговор с папой.

Как только я дождался возвращения папы с работы, тут же подробно передал весь наш разговор с Манусовым и, надо сказать, что он абсолютно ничему не удивился, словно был в курсе происходящего, и полностью одобрил мое решение, чем несомненно меня поддержал. Но на вопрос, знал ли он о том, что мне поступит это предложение, ответил так уклончиво, что я даже не могу вспомнить конкретно что именно.

Все последующие дни до конца недели я пребывал в задумчивости, гоняя в мыслях беседу с Манусовым. А Серега периодически толкал меня в бок и кричал, чтобы я перестал зависать. О разговоре с профессором я рассказал ему лишь то, что он хорошо знал моего отца и просто хотел познакомиться со мной поближе. Проницательный Серега мне не поверил и злился, что я не говорю правду.

В пятницу, выйдя с последнего семинара по латинскому, мы с другом сразу же направились в холл первого этажа, где у нас было назначено свидание с Варей и Марго. Когда мы вошли, девчонки нас уже ждали. Варя стояла к нам спиной, нетерпеливо постукивая носком туфельки по полу и что-то говорила Марго, широко жестикулируя. Марго увидела нас и помахала рукой.

– Привет! – крикнул издали Серега. – Вы готовы?

– Готовы, – громко откликнулась Варя и подарила мне свою очаровательную улыбку. – Какой-то ты хмурый, Артур! – обратилась она ко мне, когда мы подошли.

– Зря ты так думаешь. Я в полном порядке, – невозмутимо ответил я.

– Или тебе просто не хочется идти в кино? – игриво настаивала она на своем.

– Пошли, я уже почти настроился на то, что мне придётся вытерпеть сегодняшний день, – улыбнулся я.

Мы дошли от Академии до ближайшего кинотеатра за десять минут. Но войдя во внутрь здания с афишами, долго спорили, на какой фильм пойти. Я хотел посмотреть комедию, Серега – боевик, Варя была за ужастик, а Марго скромно намекала на новую мелодраму с участием каких-то известных голливудских актёров. Вскоре Варя склонила Марго на свою сторону, и нам ничего не оставалось делать, как сдаться.

– Ладно, идём смотреть ужастик. Желание девушек – закон! – великодушно провозгласил Серега.

Я не помню, о чём был фильм. Особо даже старался не смотреть, поскольку не любил ужасы. Я воспользовался полуторачасовым сеансом, чтобы еще раз прокрутить в голове разговор с Манусовым. Варя сидела рядом и периодически поглядывала на меня, что-то явно во мне изучая.

– Тебе понравился фильм? – спросила она, когда мы вышли из кинозала.

– Не могу сказать, – уклончиво ответил я.

– А мне понравился! – воскликнул Серега, явно стараясь разогнать общее уныние. – Сцена с коровой – вообще супер!

Все поежились.

– Мне кажется, Артур не смотрел, он ни на что не реагировал, думал о чём-то своём! – заключила Варя, а потом немного надув губки, добавила, посмотрев на меня: – наверное, пожалел, что с нами пошёл.

– Варя! Я ни о чём не пожалел! – оправдался я и постарался придать своему лицу радостный вид. Не знаю, правда, насколько хорошо у меня это получилось, после просмотра ужастика.

Взбодрил нас громкий звонок телефона Марго. После короткого разговора, она сказала, что ей пора, поскольку ее ждет дома мама. Серега вызвался её проводить, а мы с Варей, попрощавшись с ребятами, побрели по пустеющим улицам в сторону её дома. Она жила в сорока минутах ходьбы от кинотеатра, и мы решили не ехать на транспорте, а пройти пешком, поскольку тогда был тёплый вечер, один из тех, что часто бывают в сентябре.

Варя взяла меня под руку, и так мы шли почти до самого её дома. Каждый раз, когда мы проходили мимо какой-нибудь витрины, она заглядывала в неё, то ли любуясь своим отражением, то ли проверяя смотримся ли мы вместе. В любом случае, вид ей явно нравился, поскольку она каждый раз с удовлетворённой улыбкой поворачивалась ко мне, когда витрина переставала показывать наши отражения. Я тоже ею любовался, она была обворожительна с распущенными светлыми волнистыми волосами и в наряде под стать осенней погоде, одетая в тонкое кружевное желтое платье, белое легкое пальто и золотые туфельки с ремешками вокруг изящных ножек, на низком каблукке.

– Ты странный, не такой, как все, – сказала Варя, когда заскучала от продолжительного отсутствия витрин.

– Ты повторяешься, – ответил я и погладил ее ручку.

– Я знаю, и я не устану это повторять, ты меня интригуешь, – кокетливо сказала она.

– И чем же я так отличаюсь от других? – включился я в игру.

– Пока только тем, что не пытаешься привлечь моё внимание. – Сказала она и засмеялась.

– А ты привыкла, ведь правда, что все парни только и делают, что добиваются твоего внимания? – я искоса взглянул на нее и увидел, как она воодушевилась этим вопросом, похоже, для нее он прозвучал как комплимент.

– Конечно добиваются, – снова засмеялась она.

– Твоя скромность придаёт тебе дополнительный шарм. – Слукавил я, но сказал с нескрываемой долей сарказма. Это было не так, скромность в ней отыскать было сложно. Мне хотелось, чтобы она обратила внимание на несколько излишнее самолюбование, которое в принципе ее не портило, но меня иногда настораживало. Однако, надо отдать должное, именно самолюбование придавало ей той уверенности, которой у многих девчонок в ее возрасте недостает. Учитывая красивую внешность, которую она умела преподать, на фоне общей подростковой скромности, это и выделяло ее из общей массы.

«Ну, и зачем я включил свой сарказм?» – подумал я и вздохнул, однако Варя будто бы ничего и не заметила. Видимо, она приняла мой вздох за нерешительность и задумала взять дело в свои руки.

– Скромный – это ты, Артур! – выпалила она.

Я замялся, не зная что ей ответить.

– Возможно. А ты – нет?

– Ты не понял меня, твоя скромность тебе не мешает? Например, знакомиться с девушками или даже целовать девушек? – сказала она, приблизив ко мне своё прекрасное личико. Именно в такие моменты обычно в фильмах и происходят первые поцелуи.

Однако к такому повороту событий я был не готов. В первую секунду заметался, но руки сами потянулись к ее талии, я с силой прижал ее к себе и поцеловал.

– Варя, ты очень красивая... – прошептал я ей на ухо, когда мы закончили. Опять мне показалось, что меня решительно подтолкнули к этому поцелую, но это была очень милая хитринка.

Тогда я еще не понимал до конца, что кроме красоты привлекало меня в Варе, но мне казалось, что именно эта девушка в силу легкости характера, веселого нрава, большого окружения знакомых и друзей сможет спасти меня от одиночества, наполнить мою жизнь чем-то интересным. Я понимал, что действительно ей очень нравлюсь, хотя и знал, что она ощущала моё внутреннее сопротивление. Она словно не могла до меня дотянуться, и знал, как ей этого хотелось, но пока глубоко впустить не мог в силу особенностей уже своего характера, мне необходимо было узнать ее поближе. «Этим и займусь! – подумал я. – Жаль только, что мало у нас общих тем для разговоров. Ну ничего, со временем может появятся!»

– Спасибо за комплимент – улыбнулась она.

– Хочешь скажу честно?... – постарался заинтриговать я ее.

– Хочу! – тут же ответила она.

– Ты не только красивая, а еще очень милая и блистательная девушка... – я был не мастер говорить комплименты, но это я сказал искренне. Она лишь кивнула в ответ, одобряя, и, не дав продолжить, перебила:

– Мы пришли! – она вырвала свою руку из моей и побежала к дому.

Я побежал за ней, и через несколько секунд мы влетели в подъезд. Не знаю сколько времени мы там провели целуясь, обнимаясь и шепча друг другу нежности, но уже стемнело, когда я вышел из ее подъезда, проводив до двери квартиры.

Она ушла домой, а я побежал на остановку и запрыгнул в проходящий мимо трамвай. Мою голову полностью заполнили мысли о завтрашней предстоящей встрече с профессором.

Дома за прошедший вечер я не один раз заручился одобрением папы, а на следующее утро, немного уняв возбуждение, поехал к Манусову.

Профессор жил в небольшой, но очень уютной квартире на юго-западе Москвы. В мебелировке и обивке стен чувствовалось присутствие старого английского стиля. Похоже, что не Индиана Джонс, а Шерлок Холмс чувствовал бы себя здесь как дома. Приглушённый свет, кресла, обтянутые светлой тканью, с высокими спинками, подсвечники, вазы и шкатулки составляли классический викторианский интерьер.

Когда я впервые пришёл к нему в ту субботу, дверь мне открыла его супруга Елена, доброжелательная и элегантная женщина средних лет.

– Здравствуйте, Артур. Рада познакомиться. Елена Викторовна, – представилась она, впуская меня в просторную прихожую. – Муж просил вас встретить, он ждёт в комнате. Оставьте ваше пальто здесь, на вешалке, и заходите к нему. – Она улыбнулась немного натянуто и указала на дверь.

Я разделся и вошёл в комнату, которая оказалась рабочим кабинетом Манусова. Это была небольшое, но светлое помещение: напротив двери располагалось большое окно, из которого открывался вид на город, всю правую сторону занимали стеллажи с книгами, слева разместился стол профессора, а стена за его спиной была увешана картинами с изображением предметов интерьера в толстых золотых рамах в одной части и позолоченные иконы – в другой.

Манусов встал из-за стола и спокойной уверенной походкой направился мне навстречу. Почувствовав себя школьником, которого вызвали отвечать к доске, а он не выучил урок я

не знал, с чего начать разговор, от чего смущенно пожал профессору руку, сминая в другой листочки бумаг для записи. Манусов посмотрел на меня и, улыбнувшись, сказал:

– Не смущайся, Артур, заходи, присаживайся. Как ты? Думал про наш последний разговор? – заботливо спросил профессор и указал на кресло.

– Да, я много думал, прежде всего о том, что забыл поблагодарить вас за предложение работать в Федеральной Службе Безопасности. Это то, о чём я мечтал больше всего, спасибо.

– Ну, ты ещё там пока не работаешь, когда начнёшь, тогда и поблагодаришь, – ответил он. – Сейчас я расскажу тебе, когда ты приступишь к работе и что конкретно будешь делать в соответствии со своими прямыми должностными обязанностями.

– Я вас внимательно слушаю, – я внимательно посмотрел на профессора и уселся поглубже в кресло.

Манусов рассказал мне, что на работу я выйду ближе к окончанию второго учебного года как практикант, а официально оформлюсь сразу после окончания обучения в Академии, в качестве младшего сотрудника управления. А до конца второго курса мне будет необходимо прочитать и выучить книги по международному праву, внешнеэкономической и разведывательной деятельности, философии, психологии и другие, чтобы легче влиться в трудовую деятельность и коллектив, а также иметь знания специальной терминологии при общении с иностранными партнёрами. Несмотря на огромный объём литературы, как сказал Манусов, это будет одним из самых лёгких заданий, в основном потому, что я обладаю тренированной памятью и запомнить много новых терминов, методов и подходов не составит для меня особого труда.

– Итак, по части твоей официальной деятельности тебе всё понятно? – деловито спросил он, закончив объяснения.

– Да, Анатолий Федорович, – бодро ответил я.

– Хорошо, тогда перейдём к основному. – Сказал он и пристально посмотрел мне в глаза, словно проверяя мою готовность. Я невольно слегка кивнул. – Как я тебе уже говорил, твоя работа будет сосредоточена на секретной деятельности. Объясню, почему я хочу посвятить тебя в это именно сейчас, а не после того, как ты начнёшь трудиться в управлении. Догадаться легко. Обучение и подготовка к тому, чем ты реально будешь заниматься, затрагивает большой промежуток времени. Чтобы освоить определённые навыки, необходима длительная подготовка. Безусловно, этот период зависит от индивидуальных способностей каждого человека, поэтому в соответствии с твоими успехами в освоении материала, мы будем корректировать учебный процесс.

– Понятно, и что же я должен буду делать? – недоуменно спросил я. – Я не понимаю.

– Покидать собственное тело, Артур! – Манусов встал со стула и зашагал по комнате.

– Что?! – от ошеломления я вытаращил глаза, на самом деле даже не осознавая то, о чем он говорил.

– Да, покидать тело и перемещаться независимо от того, где оно находится. – Повторил он и остановился уставившись на меня, словно изучая вызванную этими словами реакцию. Чуть помедлив, он заговорил неожиданно быстро. – Существует определённая методика, разработанная известнейшим в наших кругах нейробиологом, профессором Гориним, по развитию способности человека покидать собственное тело, основанная на теории телепортации. Твой отец, да и я, хорошо знали Горина. Сейчас он уже стар и, к сожалению, тяжело болен, но методика по-прежнему работает, он ее пробовал на некоторых людях, а теперь пробовать буду я. – Профессор замолчал и, подойдя к окну и сложив руки на груди, задумчиво стал смотреть на улицу. Пауза затянулась, а я тем временем лихорадочно думал о чем бы спросить, чтобы хоть как-то снять возрастающее внутреннее напряжение.

– И многих он научил этому, ну, покидать тело? Что это за методика такая? – тихо выдавил я наконец.

– За всю свою деятельность он выучил пятерых агентов, самых способных. – Начал Манусов и, оторвав взгляд от окна, посмотрел на меня, слегка нахмутив брови. – Это немного. Понимаешь, его методика уникальна, она – единственная в мире, но определённым её условием является то, что человек должен обладать сильным энергетическим полем и способностью к экстрасенсорике. Обычного человека научить этому практически невозможно, не хватит жизни, чтобы он все это освоил, нужна база. А людям, у которых активна область мозга, отвечающая за интуитивное восприятие, то есть тем, у которых уже развиты экстрасенсорные способности, овладеть навыками покидания тела возможно за относительно короткий промежуток времени. Да и то, как показала наша практика, не каждый способен, даже покинув тело, перемещаться вне его на большие расстояния. Это очень сложно. Держат в основном подсознательные страхи, тяга к безопасности. Только тот, кто способен пойти на риск, граничащий с риском смерти, сможет выдержать. У такого человека должны быть снижены защитные функции от природы. Это и опасно, и интересно, и очень ценно, поскольку уникально. – Рассказывал профессор, изредка кивая, словно соглашаясь с самим собой. – Из пятерых, обученных Гориним, только трое могут перемещаться в любую часть земного шара и на длительное время. Один из них работает на нашу страну, другой – не работает в спецслужбе, третий – давно погиб при неизвестных обстоятельствах. Остальные двое – работают у нас, но они перемещаются примерно в пределах нашей страны, даже чуть меньше, передвижение на более дальние расстояния опасно для их жизни, они за такое не берутся.

– Опасны для жизни? В чём же опасность? – тихо спросил я.

– Постараюсь объяснить тебе в общих чертах, – тяжело вздохнув ответил Манусов и снова заходил по кабинету. – Состояние тела человека без души схоже по симптоматике с комой. Однако, в отличие от комы, которая может длиться продолжительное время, без души человек может прожить не более трёх суток, максимум – неделю. Если душа человека переместится слишком далеко от тела и человек перестанет чувствовать с ним связь, тогда душа покинет земную оболочку и человек умрёт.

– А что случится, если душа, даже чувствуя связь с телом, не вернётся в него по истечении трёх суток?

– Он тоже умрёт. Понимаешь, физиологически человек должен регулярно питаться, двигаться, спать. Трое суток без воды, еды и сна истощает тело настолько, что душа не может в него вернуться и человек умирает, засыпая навеки. Именно потому, что нам не нужны жертвы, мы отбираем людей, не только обладающих уникальными экстрасенсорными способностями, но и физически сильных. Но опасность сохраняется, и мы всегда очень осторожны. В том, что твоё тело будет в безопасности, ты можешь не сомневаться, мы об этом позаботимся.

– Я не сомневаюсь, – улыбнулся я и, подумав, что сейчас самое время, решил спросить: – Анатолий Федорович, а вы тоже обладаете этой способностью?

– Нет, Артур, – улыбнулся он в ответ, посмотрев на меня пристально, и сел за стол. – Не знаю, к сожалению или к счастью, на протяжении двадцати лет я тренировался, но сейчас могу лишь на секунду выйти из тела, потом меня с какой-то невероятной силой затягивает обратно. Мне не дано разорвать эту связь.

– А как я почувствую, что я, например, теряю связь с телом? – спросил я, глядя ему в глаза.

– Как объяснял мне Горин, это понятно сразу: даже находясь вне тела, ты продолжаешь ощущать его полностью, от пальцев ног до макушки. Как только ты начинаешь терять связь, ты перестаёшь чувствовать сначала ступни, потом ноги до колен, потом по пояс, пока связь полностью не исчезнет по мере твоего отдаления от тела. Как только почувствовал малейший намёк на это, необходимо сразу, незамедлительно вернуться назад.

– Если единственная опасность состоит только в неспособности вовремя вернуться и потерять чувствительность, то я думаю, что это не самые тяжёлые условия и особого труда их выполнить не составит. Я готов приступить к занятиям! – решительно сказал я.

– Не торопись. Существует ещё одна важная деталь. – Проговорил профессор задумчиво. – Основной момент во всём этом процессе – способность ставить заслон.

– Что это заслон?

– Это что-то вроде преграды, чтобы душа другого не попала в твоё тело. Умышленно или нет, но были очень редкие случаи, когда души переселялись в другие тела, и это очень опасно. Можно надолго, вплоть до наступления смерти тела, остаться между землёй и небом и не иметь возможности вернуться. Именно такие заслоны я буду учить тебя ставить, обучиться этому не просто, гораздо сложнее, чем самому процессу выхода из тела.

– А что это за души, которые могут переселиться в моё тело?

– Этого мы не знаем точно, до конца эта область не изучена, но это не души умерших. Существует версия, что умершие попадают в другие центры Вселенной. Мы предполагаем, и это наиболее вероятно, что существуют уникамы, которые самостоятельно проделывают трюки с выходом из тела. Имена тех, кого мы подозреваем в возможности проявить такие способности, нам известны, но пока это только предположения. Для тех людей, которых мы обучаем, выход из тела – это, прежде всего, работа, трудовая обязанность, поэтому у нас существует трудовое соглашение, в соответствии с которым работник секретной деятельности не может использовать эти способности в личных целях, каждый выход строго регламентируется. Делается это прежде всего для того, чтобы обеспечить безопасность наших сотрудников, за жизнь и здоровье которых мы несём полную ответственность! – заключил Манусов.

Я смотрел на профессора, переваривая полученную информацию.

– Я готов. – Лишь сказал я.

– Тогда приступим?... – снова почему-то тяжело вздохнув, спросил профессор.

4. Знакомство

Последующие несколько месяцев я провел в жестком графике занятий с профессором Манусовым. Мы встречались каждый выходной и иногда по вечерам среди недели, а когда встреч не было, я повторял то, что уже успел усвоить. В таком режиме тренировок студенческие посиделки были сведены к минимуму.

С Варей, тем не менее, мы находили время для встреч. Поначалу я с удовольствием сопровождал ее в различных компаниях и втайне гордился собой, что нахожусь в обществе такой красавицы, но потом стал реже это делать. Мне быстро наскучило проводить время на шумных вечеринках, которые я особо не любил и которые казались мне наполненными пустой и глупой болтовнёй. Видимо, моя занятость Варю совсем не беспокоила, скорее наоборот, ее образ жизни нисколько не поменялся после того, как мы начали встречаться. Она продолжала веселиться с подружками, ходить по магазинам и тусовкам и даже успевала ездить со всеми, кто работал в студенческом совете в загородные дома отдыха. Несмотря на мои ожидания относительно того, что именно эта девушка сможет стать мне близким человеком, наполнив мою жизнь смыслом, пока не оправдались, я все же согласился на эту авантюру с помолвкой, снова идя на поводу ее милых манипуляций. Ведь Варе хотелось праздника, а мне хотелось сделать ей приятное!

Я торжественно подарил ей кольцо, которое мы заранее выбрали в ювелирном магазине, за ужином в кафе и сказал, что, скорее всего, официально мы распишемся только после вручения дипломов, а пока организуем помолвку.

В честь нашего праздника, Манусов разрешил мне отдохнуть пару недель на море. И мы с Варей решили рвануть на автомобиле в маленькую бухту на берегу Черного моря, которая казалась мне очень живописной и располагающей к романтическому настроению судя по фотографиям, которые я нашел в книге, изданной по запискам одного известного путешественника. С учетом того, что водительские права я получил всего год назад и водил только по городу папин старый «опель», я долго уговаривал родителей нас отпустить. Но все завершилось благополучно, ключи от автомобиля я получил, и мог спокойно заняться организацией торжества.

Помолвку мы отметили в студенческой столовой, которую Серега помог мне снять для празднования. Несмотря на непростые взаимоотношения, Серега и Варя сработали в унисон, пригласив всех кого знали со студенческой и школьной скамьи. Я был рад тому, что они все организовали сами, и всем тем, кого они пригласили. Ребята веселились до утра: танцевали, пели, пили вино и безудержно хохотали. В большом зале столовой не было свободного места, а я все не мог найти себе компанию. Варя все это время веселилась с подружками, Серега тоже вертелся около них. Так мог со скуки и уснуть, если бы ко мне периодически не подсаживалась Ася, которая тоже не любила шумные вечеринки, и не шептала мне всякие гадости, злобно поглядывая в сторону Сереги. Я не мог понять почему, но ей ужасно не нравилось его поведение.

Как и предугадывал Серега, Ася частенько ходила за ними по пятам во время учебы, заодно и помогала мне с домашним заданием, если я не успевал его приготовить, пока занимался с Манусовым. С Асей мне было комфортно, очень душевно и по-дружески я к ней относился, поэтому в итоге весь вечер мы так и просидели с ней вдвоем, наблюдая за тем, как веселятся другие.

Сразу же на следующее утро после помолвки мы с Варей отправились в дорогу. Проехав чуть меньше половины пути, от подкосившей нас усталости после бурной ночи, мы крепко уснули прямо на передних сидениях автомобиля на обочине трассы Дон. Этот перерыв придал нам бодрости, и мы двинулись дальше.

Вечером следующего дня, спустя сутки после нашего отъезда из Москвы, трасса вывела нас в приморский город Туапсе. Мы повернули на дорогу Джубка—Сочи и поехали вдоль Черноморского побережья в поисках таинственной затерянной бухты. В дороге, постепенно приближаясь к месту назначения, я наслаждался красивейшими пейзажами Краснодарского края. Высокие горы, бесконечные серпантины, гладкое лазурное море – всё это после московских каменных улиц, столь привычных глазу, захватывало дух и потрясало воображение.

Когда солнце уже готовилось осветить морскую гладь ярко-алым цветом заката, мы добрались до конечной точки нашего путешествия на машине и остановились в деревне неподалёку от небольшого приморского городка Небуг. Там, договорившись с местным жителем, мы оставили свой автомобиль на территории его маленького цветущего садика и, взяв палатки, рюкзаки с едой и сумки с подстилками, пошли в дикую бухту.

Идти было совсем недолго, около двух километров, но солнце припекало, и мы очень спарились. Пройдя два зелёных холма, поросших низкими и редкими деревьями, дорогу и маленький пролесок, мы остановились у крутого обрыва. Перед нами открылась сказочная красота спокойной глади моря, отливающей фиолетово-алым цветом в лучах заходящего солнца. По обрыву, переливались солнечные желто-розовые блики, освещая глинистый спуск, прореженный то здесь, то там, ярко-зелеными кустиками, с которых периодически слетали громгласные чайки. А в самом низу проглядывался краешек дикого пляжа, который прорезала накатывающая белая полоса прибоя. Легкий соленый морской ветерок обдувал наши уставшие лица, красиво развивая светящиеся в лучах золотом волосы Вари. Мне показалось это место таким родным и знакомым, теплым и нежным, красивым и необъятным! Оно было великолепно! Я понял, что не один люблю эту удивительную красотой вечернего лета, у Вари тоже на мгновение перехватило дыхание.

– Как тебе, Варечка? Нравится? – спросил я, почти задыхаясь от восторга.

– Артур! Здесь очень красиво! Но я устала, у меня ноги болят! – капризным тоном ответила она и, сбросив с плеч рюкзак за землю, плюхнулась на него.

– Смотри! – я указал рукой вниз. – Нам надо туда спуститься!

– Ужас! Ну, тогда пошли! Что ж делать! – уныло отозвалась Варя, снова поднимаясь.

И мы осторожно начали сползать по десятиметровому глиняному обрыву, благо он был не такой крутой. В самом конце с высоты метрового выступа я сначала прыгнул сам, утонув ногами в тёплой мелкой гальке, а потом поймал на руки Варю.

Я нежно поцеловал её в губы и сказал:

– Ну вот и мы добрались! Смотри! Это то самое место, куда я всё это время мечтал привести тебя! – не скрывая гордости собой, объявил я.

– Здесь прикольно! – она сбросила рюкзак и принялась осматривать местность. – Закат, конечно, обалденный! – она махнула рукой в сторону моря и повернулась лицом к заходящему солнцу. Вся ее кожа светилась под его лучами, а белые, обтягивающие шорты, ярко сияли, еще больше оттеняя легкий загар.

Подойдя сзади, я обнял её за талию и запутался в волосах, втянув их тонкий аромат, а она положила свои руки сверху моих. Так мы смотрели на закатное солнце, алый свет от которого расстелился вдоль линии горизонта и ярко отражался полосами в потемневшей от наступающих сумерек глади моря, пока Варя резко с заразительным смехом не вырвалась из моих объятий и не повернулась лицом ко мне. Дальше я помню все фрагментарно, я очнулся, когда мы уже безудержно целовали друг друга. Варя была страстна, а я одновременно таял и заводился от её прикосновений. Я обнимал её и с силой прижимал к себе, и каждая клеточка моего тела желала эту девушку. Я ощущал, что она тоже вся трепещет от моих прикосновений и ласк и ждёт меня.

Варя расстегнула мою рубашку, сняла её с меня и погладила моё вспотевшее от долгой дороги и сильного возбуждения тело. Я медленно раздел её, разделся сам и начал целовать каждый кусочек её красивого тела.

Варя провела немного дрожащей ручкой по моим мокрым плечам и тихо предложила:

– Пойдём в море?

– Пойдём, – ответил я.

После этих слов я увлёк её в тёплое, журчащее белыми небольшими волнами море и не в силах больше себя сдерживать прижал её к себе. Лучи заходящего солнца продолжали играть в её волосах и струиться по мягкой ровной коже её тела уже более глубокими и темно-оранжевыми оттенками, вода словно легкое невесомое покрывало, то отливала от нас, то подходила вновь, закрывая нас по пояс. Мы полностью отделились чувствам и слились с самой природой, так что ничего больше нас не останавливало. Она была моя! Все мои эмоции были очень остры, я был на вершине блаженства!

Последующие дни нашего отдыха пролетели с наслаждением и совершенно незаметно. Мы только и делали, что купались, смеялись, вспоминали помолвку, друзей, предавались любви, вечерами я читал, Варя готовила. Это были самые незабываемые, легкие и трепетные две недели нашей совместной с Варей жизни!

В те дни я очень старался сделать всё, что мог, чтобы ей было хорошо. Варя принимала мои ухаживания, видно было, что ей нравилось, когда я делаю комплименты ее необыкновенной природной красоте, приготовленной еде, да и просто тому, что она находится рядом. Временами она все же не спешила обходить острые углы и смягчать наши размолвки по бытовым вопросам. Я заметил, что когда она начинала скучать, то придиралась по пустякам, провоцируя меня на эмоциональные выплески, но тогда мне было так хорошо, что ругаться я совсем не хотел, смягчая любой негатив. От этого Варя быстро успокаивалась и мы прожили это время очень мирно.

По приезду в Москву, бодрый и отдохнувший, я сразу же продолжил занятия с Манусовым.

Профессор частенько в то время отмечал мои уникальные способности, он утверждал, что я осваиваю всё очень быстро. Однако в этом он также видел и некоторую опасность, так как больше всего он боялся, что я начну тренироваться в его отсутствие и не успею быстро распознать момент, если кто-то захочет «залезть» в моё тело. Поэтому я пообещал, что в его отсутствие «выходить» не буду. Я восхищался познаниями профессора и его преподавательским талантом, поэтому впитывал новую информацию как губка.

На мой взгляд, методика профессора Горина не была трудновоспроизводимой, хотя Манусов говорил, что она не просто сложна, а практически невыполнима для человека, не обладающего экстрасенсорными способностями. Каждый может достигнуть каких-то результатов при условии работы над развитием своих способностей, но очень немногим дана возможность добраться до конца, а именно: выйти из тела.

Требовалось последовательно проходить тренинги, в основе которых были тибетские и йогические практики включающие выполнение определённых асан и дыхательных упражнений, которые были разработаны ещё в прошлом веке. Весь тренинг состоял из нескольких этапов развития способностей выхода из тела. На первом этапе мы работали с физическим телом и учились правильно дышать. Позы-асаны укрепляли тело, без хорошего состояния которого выход был бы крайне затруднён, а дыхание и его задержки способствовали развитию способности к медитации. На втором этапе мы перешли к медитациям. Они открывали возможность отключения от внешнего мира при полной концентрации всего тела, которое при этом находилось в высшей степени напряжённости, принимая какую-либо позу, а сознание было погружено вовнутрь. Так я тянул различные мышцы, принимал неудобные асаны, учился в них дышать и медитировать.

Для достижения результата следующего этапа – покидания тела, трудность заключалась лишь в том, чтобы постараться, будучи ещё внутри собственного тела, отделить от него сознание: разорвать связь, ощутить собственную энергетику, не отождествляя себя только с телом.

Многому из того, что объяснял мне Манусов, несколько лет назад обучил меня папа, поэтому занятия мне давались легко. В основном мы проводили тренировки, повторяя ранее пройденный мною материал.

Сам процесс выхода из тела тоже не вызвал у меня серьезных затруднений. Необходимо было сконцентрировать отделившееся сознание в верхней части головы, где находился, как выражался профессор, энергетический центр головного мозга, связывающий человека с космосом. Словно сквозь маленькое отверстие в голове, я протискивался наружу. Происходило это за долю секунды, но я чувствовал, как выхожу постепенно: сначала голова, потом туловище и руки, затем таз и ноги. Выход можно было считать состоявшимся, когда я полностью видел и осознавал, что моя оболочка лежит возле меня неподвижно, а я сам, чувствуя безграничную свободу и лёгкость, способен передвигаться, куда захочу.

В первые секунды, когда я увидел своё тело со стороны, я был неприятно шокирован, оно было похоже на бездыханный манекен, почти труп: такое же бледное и неподвижное, – только чуть заметные движения грудной клетки говорили о том, что в теле теплится жизнь.

«Как же интересно, необычно и почему-то неприятно наблюдать за своим телом без души со стороны!» – думал я, не в силах оторвать от себя взгляда, чувствуя невероятную эмоциональную связь с телом. Но вскоре все же отвлекся от этого созерцания, когда осознал и прочувствовал, что нет смысла теперь зависать и привязываться к нему, я ведь мог летать везде, где только пожелаю. Как только я в мыслях освободился, ощущение лёгкости моментально захватило всё моё сознание, мне казалось, что меня разорвёт от желания насладиться им в полной мере.

За мгновение я сливался с воздухом. Было такое чувство, что каждая частичка моей души теперь часть Вселенной. Когда я становился невидимым, неуловимым, меня обуревал всепоглощающий восторг происходящим. «Я перемещаюсь по комнате, и меня не притягивает вниз! Как хорошо парить и не падать!» – думал я. Мою душу переполняло дурманящее чувство свободы.

Меня тянуло вырваться из комнаты, в которой я находился, взметнуться ввысь. Но я не мог: должен был постоянно видеть своё тело и не мог его покинуть, пока не научусь ставить заслон. Долго находиться в закрытом помещении было невыносимо, поэтому я спешил вернуться в тело, чтобы не поддаться этому жгучему желанию «улететь».

Я возвращался через то же воображаемое отверстие, и для того, чтобы прийти в себя, мне нужно было около трёх минут. Ощущения схожи с пробуждением ото сна: постепенно тело набирает силу, открываются слипшиеся веки. Возникают первые желания: подвигать руками, ногами, встать, пройтись, организм на автомате проверяет, не утратил ли он своих функций, всё ли в норме. После такого «пробуждения» не хочется спать, не чувствуется усталость. Манусов говорил, что так будет, пока я не стану покидать тело надолго. Если я смогу перемещаться далеко и проводить там больше времени, то по возвращении усталость будет гораздо сильнее чувствоваться.

– Ангел! – позвал я как-то во сне после очередного выхода из тела. – Скажи мне, почему там так хорошо? Я никогда не испытывал ничего подобного.

Он подошёл вплотную ко мне и сказал, смотря на меня сверху вниз:

– Люди называют это ощущение «полёт души». Обычный человек может сравнить это с прыжком с парашютом: когда летит в небесах над землёй, испытывая бесконечное чувство лёгкости. Только его полёт ограничен временем и опасностью разбиться, если он вовремя не откроет парашют, а у тебя этой опасности нет. Ты свободен и можешь наслаждаться чувством бесшумного полёта над кронами деревьев, крышами домов. Птицы так летают над зем-

лёт. Человека гнетёт постоянное чувство притяжения к земле, он не может от неё оторваться и поэтому всегда стремится взлететь, и как только у него это получается, он наконец-то осознаёт, как же это хорошо. Это твои первые ощущения, скоро ты к ним привыкнешь, но чувство лёгкости не покинет тебя никогда, ты всегда будешь им наслаждаться.

– Именно поэтому мне так хочется вырваться и улететь? – спросил я, глядя ему в глаза.

– Да, поэтому. Ты ещё молод, не загружен никакими вымышленными проблемами, поэтому тебе легко ощутить эту свободу в полной мере и насладиться ею. Ты сможешь летать далеко, туда, куда захочешь. Но будь осторожен, не увлекайся, – предостерег он меня.

– Манусов не даст мне увлечься, я-то знаю, – усмехнулся я.

– Это ради твоей безопасности, он отвечает за тебя.

– А почему, когда «выхожу», я не вижу тебя, ангел?

– Я в другом месте, я для тебя невидим.

– Ох... Но я буду видеть тебя во сне. Я люблю тебя, – сказал я, ощутив прилив нежности.

– Я тоже тебя очень люблю, – сказал он и исчез, растворившись в воздухе.

Когда мы перешли к финальному этапу, наши занятия стали проходить в другом формате. Суть их состояла в том, что если раньше я должен был полностью собраться, сконцентрировать всю свою энергетику для того, чтобы отделиться от тела и покинуть его, то теперь передо мной стояла совершенно новая задача – научиться разделяться. Я должен был отделить маленький кусочек себя, чтобы оставить его с телом, как бы закрывая воображаемое отверстие в голове этой частичкой своей энергии. Этот процесс поначалу сопровождался нескончаемыми мучениями: было ощущение, что я должен оторвать с мясом кусок собственного тела, но при этом остаться физически полноценным, выполнять все функции здорового человека. Это был заслон. Я учился его ставить для того, чтобы никакая другая душа не попала в тело в мое отсутствие. В энергетическом плане моя неполноценность выражалась в том, что, оставив частичку себя с телом, я стал забывать то, что видел там, когда возвращался, чего ранее со мной никогда не случалось. Манусов уверял, что в процессе тренировок память вернётся и я всегда буду помнить, что и как там делал.

Более трех лет я потратил на то, чтобы безболезненно ставить заслон, доводя эту процедуру до автоматизма, и тренировать память, а именно трансформировать потоки полученной информации в нужные части головного мозга. Наконец, Манусов стал позволять мне «летать». Я часами находился вне своего тела, и это доставляло мне огромное удовольствие. За долю секунды я покидал комнату, вылетая в затворённое окно, не замечая никаких преград. Стены домов, закрытые двери и окна, густой лес, горы – ничто не могло преградить мне путь, я проходил все препятствия насквозь или облетал вокруг. Как мне заблагорассудится!

А небо! Я мог лететь так высоко, как только хотел! Имей я больше времени и отсутствие какого-либо контроля, я бы мог улететь в космос и оттуда наслаждаться видом нашей планеты. Но даже не улетаю далеко, я получал огромное удовольствие от того, что мог с высоты птичьего полёта наблюдать за своим городом. Сверху Москва казалась не такой живой и многолюдной, как внизу, в бурлящем слое. Я видел дома, дома, вокруг одни дома! Величественно и красиво выглядел её центр, окружённый постройками окраин. А ночью, в свете уличных фонарей его сияние было видно за несколько километров. Извергающиеся дневные потоки жизненной энергии в вечернее время становились всё слабее, пока окончательно не стихали до нового восхода солнца. Ночное время я любил больше всего: город становился тише, как будто дремал, периодически вздрагивая и пробуждаясь от какого-нибудь резкого шума. Потом его дыхание снова замедлялось. Можно было любоваться истинной красотой Москвы, созданной руками человека в разные исторические эпохи. Я хватался за пик самой высокой в городе Останкинской башни, или просто зависал в небе и наблюдал... рассматривал...

В один из таких дней, совсем неожиданно для меня, произошло то, что изменило всю мою дальнейшую жизнь.

Ранней весной, в один из тихих, слегка ветреных вечеров, перед возвращением в тело после очередного своего полёта, неожиданно краем глаза я заметил какой-то посторонний, совершенно непохожий на уличный, свет, промелькнувший недалеко от меня. Я резко обернулся и увидел, как этот свет стал с молниеносной скоростью отдаляться, пока совсем не исчез вдалеке. Я рванул за ним. Наконец опять его увидел: он становился всё ближе и ближе. Вскоре я его догнал. Уже приблизился настолько, что смог разглядеть очертания человека, от которого струился этот свет. Когда я его окликнул, человек стал замедлять свои движения. Я явно был быстрее, даже если бы он не остановился, вскоре я всё равно смог бы его догнать.

Я подлетел ближе и увидел её!

Это была девушка, на вид – около двадцати лет. Её русые, чуть волнистые волосы спадали на хрупкие плечи, обрамляя бледное, овальное лицо. Под светлым облегающим платьем её тело казалось очень тонким. Большие голубые глаза испуганно смотрели на меня. В напряжении она слегка сдвинула брови.

– Ты следила за мной? – задал я вопрос, не зная, слышит ли она меня.

– Я не следила, поверь. Я просто... – её тоненький голос задрожал, и она вся сжалась.

– Что? – наступал я.

Она молчала.

– Ты меня боишься? – догадался я.

Она кивнула.

– Пойми, я не отпущу тебя, пока ты мне не скажешь, кто ты и почему оказалась рядом со мной. Не бойся, говори как есть, я не причиню тебе вреда. – Постарался успокоить я ее.

– Я просто наблюдала за тобой, – тихо ответила она.

– То есть следила, как я и думал?

– Нет, я наблюдала, – упрямо сказала девушка. – Следят обычно с какой-то целью, а мне просто стало интересно, и я наблюдала, так же как ты рассматриваешь город, так и я рассматривала тебя.

– Я полагаю, ты уже не в первый раз за мной вот так наблюдаешь, раз знаешь, что я люблю город рассматривать?

– Не в первый, – она виновато склонила голову, и мне показалось, что была немного смущена.

Внезапно я ощутил, что от неё исходит тепло. Такое мягкое и еле уловимое, так нежно гармонирующее со слабым светом, окружающим её облик. Инстинктивно я приблизился к ней.

– Понятно, – сказал я строго. – И чем же я так привлек твоё внимание?

– Мне был интересен процесс твоего обучения, я много нового для себя почерпнула.

– Ого! Не знал, что за мной постоянно наблюдают! – я был очень удивлён. – То есть ты хочешь сказать, что наблюдала весь процесс моего обучения с самого начала?!

– Нет, впервые я заметила тебя в небе, ты летал и осматривался по сторонам недалеко от дома профессора Манусова.

– Ты и его знаешь?! – воскликнул я.

– Ты его так называл в разговорах, – ответила девушка и опустила глаза от смущения.

– Так! И что потом? – настойчиво спросил я.

– Мне захотелось узнать, кто ты. И я полетела за тобой... – она затихла ненадолго, опустив голову, но вскоре продолжила. – Я увидела, как ты влетел в его квартиру..., подлетел к своему телу и вошёл в него, потом вы начали обсуждать..., что ты видел, куда летал. Вот и всё!

– Ну, хорошо. И как давно это было?

– Несколько недель назад, – ответила она, – твой профессор рассказывал тебе, какие занятия ты должен выполнять до и после полётов, как лучше медитировать, в какое время

лучше выходить из тела, как точнее ставить заслон и многое другое. Ты слушал его, и я слушала, мне было интересно. – Ответила она искренне.

– Это называется, подслушивала, а не слушала, – заметил я.

– Да, ты прав, я не должна была этого делать, но я не смогла удержаться, прости меня. Я рада, на самом деле, что призналась тебе во всём, мне так будет намного легче! – Заулыбалась она.

– Я даже не знаю, что и думать! – я действительно был в смятении. – И много таких, помимо тебя, вот так могли следить за мной? – Серьезно спросил я.

– Что ты! Кроме меня, здесь никого больше не было. Ты же знаешь, что выходить из тела – уникальная способность. Не каждому дана! – Она тоже нахмурилась.

– Но тебе дана же. Значит, и ещё кто-то может так же.

– Может. – Твердо, повысив голос, сказала она. – Однако только я никого больше, кроме тебя, не встречала, – и добавила уже тише: – я делала всё, чтобы ты меня не обнаружил. Сегодня я была неосторожна, я думала, что вижу тебя в последний раз, потому что обучение вы закончили, а остальное меня не интересует. Возможно подлетела слишком близко, чтобы условно попрощаться. – Она улыбнулась.

– Как же ты собиралась прощаться, если мы даже незнакомы? – ухмыльнулся я.

– Хотела посмотреть на тебя в последний раз. – Тихо сказала она.

Полминуты я молчал, рассматривая девушку. Она уже перестала меня бояться и спокойно смотрела, не отводя взгляда, её голубые глаза гипнотизировали своей глубиной.

– Кто ты? – настойчиво спросил я.

– Не думаю, что тебе это интересно, тем более что... – зашебетала она.

– Ответь мне, кто ты, мне интересно, – перебил я её. – Как твоё имя?

– Меня зовут Соня.

– А моё имя ты знаешь?

– Тебя зовут Артур. – Тихо произнесла она.

– Да уж, странное знакомство, Соня, – пробубнил я, – я немного шокирован. Не каждый день узнаёшь, что за тобой постоянно наблюдают, – я постарался, чтобы мой голос прозвучал дружелюбно, и натянул улыбку.

– Постоянно – это громко сказано, – заулыбалась Соня. – Я видела несколько твоих тренировок, только и всего.

– Только и всего?!

– Знаю, знаю, любому человеку будет не по себе, когда он неожиданно узнает, что за ним наблюдают.

«Какая очаровательная улыбка! И чуткий, нежный взгляд!» – промелькнуло у меня в голове. На секунду я поддался желанию приблизиться к ней еще и почувствовать действительно ли от нее исходит тепло, но быстро одумался, от чего сильно смутился.

Похоже, Соня поняла моё замешательство и улыбнулась, а я почувствовал неловкость, стоя перед ней без майки и в домашних штанах.

– Мне немного неудобно за мой домашний вид. – Тихо сказал я.

– Ничего, – с улыбкой произнесла она и смущённо опустила глаза. – Я не в первый раз тебя так вижу.

Это заявление уже не показалось мне странным. Я начал внимательно её разглядывать. Она была худенькая, но не тощая, а скорее хрупкая. Маленькие ручки, ножки, тонкая талия подчёркивали её необыкновенную женственность. Свои длинные, спускающиеся ниже плеч волосы она периодически заправляла за уши. Похоже, делала это автоматически, так как они и так у неё были итак заправлены. Улыбка у неё была утонченной, но в глазах иногда загорался задорный огонек.

Заметив мой заинтересованный взгляд, она спросила:

– Что ты так смотришь на меня, Артур?

– Я думаю о том, как с тобой поступить, – признался я.

– Что ты имеешь в виду?

– Мой долг – рассказать о тебе. Манусов непременно спросит меня, куда летал и что видел. А я не хочу пока ему о тебе говорить, – почему-то сказал я, хотя понимал, что был обязан доложить о ней. – Я хочу увидеть тебя снова. Скажи, ты можешь ещё раз встретиться со мной здесь, в небе? Так будет безопаснее.

– Сегодня я думала, что последний раз тебя вижу! – снова напомнила она.

Но я почувствовал, что ей и самой не хотелось расставаться. Почему-то она говорила об этом с грустью.

– Однако ты хотела бы увидеть меня снова? – я решил подойти к вопросу с другой стороны. Мне не хотелось отпускать её вот так, просто.

– Хотела бы, – тихо ответила она.

– И я хочу увидеть тебя снова. Так, если мы собираемся встретиться ещё раз, ты поменяешь свои планы? – чуть настойчивее спросил я.

– Хорошо, я поменяю, – ответила она и улыбнулась.

– Завтра вечером, когда я вылечу из тела, а будет это около восьми часов, я сразу же полечу на крышу и буду ждать тебя там, – сказал я, перейдя к делу.

– Хорошо, тогда завтра увидимся, – спокойно и так же деловито ответила она. – До свидания, Артур.

– До завтра, Соня, – я улыбнулся ей на прощанье. Не знаю почему, но я хотел оставить о себе хорошее впечатление, хотел ей понравиться.

Почему-то я безоговорочно поверил ей, искренность взгляда и произнесённых слов заставили не сомневаться в правдивости её обещания. Спустя годы, с высоты прожитых лет, я, безусловно, понимал опрометчивость своего поступка, отпуская её, не спросив даже фамилии. Я не имел никакого права делать это, должен был сразу выяснить, кто она, почему находится здесь, и передать эту информацию Манусову, а он бы впоследствии сам решил, что с ней делать. Однако тогда я думал лишь о том, что при таком раскладе судьба Сони будет зависеть от профессора, а я хотел сам разобраться в ситуации, включая мальчишескую доблесть. «Профессор даст задание, возможно, даже не мне, выяснить про нее информацию. Меня могут даже не посвятить в ход расследования!» – для меня эта мысль была тогда невыносима, поэтому я принял решение, что Манусов в тот вечер ничего о Соне не узнает до тех пор, пока я сам не разберусь в том, кто она такая и почему находится в небе. Мне необходимо было всё обдумать, поэтому не оставалось ничего другого, кроме как довериться Соне и отпустить её.

Я развернулся и помчался к своему телу. Долетев до окна, решил посмотреть, в какую сторону исчезает Соня, но её уже не было.

Через секунду я уже был в собственном теле и приходил в себя.

5. Последствия

– Как дела, Артур? – тут же спросил Манусов, как только понял, что я вернулся в тело. Всё учащающееся подёргивание моих рук и ног дало ему об этом знать. Он отложил газету, которую читал в моё «отсутствие», в сторону, встал со стула и подошёл ко мне.

– Хорошо, Анатолий Федорович, – ответил я, садясь на кушетке, специально поставленной в его кабинете для наших занятий, – летал, смотрел на Москву. Всё как обычно.

– Ты сегодня немного задержался, – заметил он. – Я уже начал беспокоиться.

– Да, я знаю. Извините, профессор, что заставил вас переживать, больше этого не повторится, – тихо ответил я.

Манусова уже ожидал другой посетитель в соседней комнате, поэтому он не стал выпытывать подробности того, где я был и что видел. Торопившись отпустить меня, он удовлетворился моим уклончивым ответом.

Я вышел из дома профессора и побрёл по потемневшим московским улицам в сторону метро. Обычно этот путь я проделывал, передвигаясь на троллейбусе, но в тот вечер эти несколько коротких остановок мне хотелось пройти пешком.

Свежий весенний ветерок упрямо дул в лицо, сопротивляясь моему движению, а я думал о том странном знакомстве. Больше всего меня гложит не столько мысль о том, что девушка следила за мной, хотя это обстоятельство тоже мне казалось очень странным, а о том, что я был фактически рассекречен.

«А сколько таких было ещё? Кто ещё мог знать о том, что я умею? – задавался я вопросами. Соня утверждала, что никого больше в окружении меня не было, да и Манусов говорил мне, что людей с такими возможностями, как у меня, можно по пальцам пересчитать. Ведь даже при наличии экстрасенсорных способностей, чтобы научиться покидать тело, нужно не один месяц тренироваться по определённой методике! Нужно знать механизм. Все те люди, кто умеют это делать, известны, всех спецслужбы держат под контролем. И о том, что скоро в их рядах появится новый агент, никто из них не догадывается. Впрочем, и мне не известно, кто из агентов Манусова занимается секретной работой. Он меня в это не посвящает. А тут такое! Какая-то девушка знает обо мне всё! Знает ли Манусов о ней? Вот тоже интересный вопрос. Возможно, она тоже его агент» – размышлял я. Мне казалось это невыносимым, и я был изрядно озадачен случившимся. Поэтому твёрдо решил, что при следующей встрече узнаю о ней все до мельчайших подробностей. Я должен был это сделать во что бы это ни стало, чтобы держать всё под контролем, тем более, что пока решил не говорить Манусову о случившимся.

Ощущение того, что эта встреча была неслучайной, не покидало меня ни на секунду.

Пока шёл и думал, что есть человек, помимо профессора и родителей, который обо мне знает, сам не заметил, как начал вглядываться в лица встречаемых людей. В каждой девушке я пытался разглядеть Соню. Мне хотелось увидеть её ещё раз, хотелось снова с ней поговорить, узнать как и при каких обстоятельствах она научилась покидать тело, что она делает в небе, что чувствует во время полетов. В общем все то, что я ни с кем больше не мог обсудить. Если бы я встретил её сейчас, непременно затащил бы в какое-нибудь кафе, где можно было бы спокойно поговорить. Впрочем, не удивительно, что Соню я так и не увидел, ни на улице, ни в метро.

Погружённый в эти мысли, я не заметил как, добрался до дома. На пороге квартиры меня встретила мама.

– Был у профессора? – спросила она.

– Да, мам, мы занимались, – ответил я, снимая куртку и шапку.

– Ты сегодня припозднился. Я уже ждалась тебя на ужин. Давай мой руки и садись за стол, а то всё остынет, – сказала она и скрылась на кухне.

Войдя в ванную, я начал внимательно рассматривать своё отражение в зеркале. Вид у меня был какой-то растерянный, и не только из-за скомкавшихся от ветра волос. Я вымыл руки, умылся, причёсался, натянул беззаботную улыбку, чтобы хоть как-то скрыть своё состояние от мамы, и пошёл на кухню.

– Тебе звонил Сергей, – сказала мама уже к концу ужина, после того как мы обсудили вечернюю новостную программу. – Набери ему. Он уже несколько дней не может до тебя дозвониться.

– Хорошо, – крикнул я, уже забегая в свою комнату, и тут же набрал Сереге. Через мгновение я услышал в трубке знакомый звонкий голос друга: – Привет, дружище! Куда пропал? У нас скоро ГОСы, не забыл? Послезавтра консультация. Ты пойдёшь? Или ты итак всё знаешь? – засыпал он меня вопросами, постоянно ухмыляясь.

– Я помню, я пойду, конечно, – спокойно ответил я, не обращая внимания на его подколы.

– Супер! Я тоже пойду. Надо, чтобы преподады видели меня. Самая верная стратегия сдать хорошо экзамены – примелькаться!

– Ты реально так думаешь, Сер?! – невольно улыбнулся я. – Чтобы сдать экзамены, надо что-то знать. Тебе так не кажется?

– Это для таких, как ты и Ася. Заучек. Я пойду другим путём. Мы же собираемся посидеть все вместе после экзаменов. Так вот, я предварительно поговорю с преподами, узнаю их предпочтения, что купить. Потом соберу со всех вас деньги и приглашу их на чай, чтобы они добрее были, ну и знали, кто всё это делает. Вы все мне ещё спасибо скажете, когда они раздобрееют.

– Ну, посмотрим, посмотрим. Я всё-таки буду учить билеты. И сравним тогда с тобой, чья стратегия работает, – ответил я.

– Давай, давай. Заучка, – опять обозвал меня Серега.

– Хватит уже, Сер!

Несмотря на всю взбалмошность и желание увильнуть от учёбы, Серега всё же был умным и деловитым. По уму он не уступал нашему лучшему студенту Тану, а по лени – худшему студенту Арчи, для которого удовлетворительная отметка была верхом успеха на экзамене. Сочетая в себе лень, ум и изворотливость, Серега твёрдо занимал средние позиции в учёбе и слыл умным, но безалаберным студентом.

– Я сегодня это... – Серега смущенно замялся, и я понял, что он хочет мне что-то рассказать.

– Ну что? – спросил я, подбадривая его сказать.

– Сегодня с Асей мы начали встречаться, – выпалил он.

– С Асей! – вскрикнул я, поскольку был искренне удивлён. – Но как?! Когда вы успели?

– Ну, я давно уже за ней... ну ты понимаешь. Она мне нравилась. А сегодня она согласилась быть моей девушкой.

– Я поздравляю тебя, дружище, и скрывал..., не говорил... – ответил я, укорив.

– Да, Ася не хотела, чтобы кто-то знал – замялся опять Серега, но тут же весело произнес: – но я сам рад. Правда, мы уже успели поругаться сегодня, – усмехнулся он. – Ну, ничего, помиримся. Ну, а ты как? Как с Варей дела? – почему-то спросил он.

– Да все хорошо, но, знаешь, общего языка найти не можем. И еще тоже ругаемся периодически не всегда пойму из-за чего даже, – неожиданно спокойно для самого себя сказал я. Обычно при воспоминании о тех скандалах, которые устраивает мне наедине Варя, я начинаю нервничать.

– О-о! Ну ничего! Бывает у всех! Твоя Варя все же красотка, иногда можно потерпеть, зато потом страсть!

Я улыбнулся комментарию Сереги. Ему-то как раз отношения, построенные на таких страстях, нравились. А я поймал себя на мысли, что душевная близость, взаимопонимание,

общение куда важнее. Я ведь как только начинал тянуться к Варе за этим всем, тут же нарывался на страстное выяснение отношений, которые в итоге ни к чему не приводили, кроме как к не менее страстному примирению. Ей это нравилось, а я ощущал полное опустошение. Я после полетов так не выматывался, как при конфликтах с Варей. Но уступить ей не мог! Гордость не позволяла!

Иногда я смотрел Варе в глаза, желая разглядеть там теплоту, которая бы зацепила, но долго не выдерживал и, съезживаясь от засасывающего ощущения одиночества и страха, быстро отводил взгляд. Возможно мне следовало дольше и ласковее смотреть на нее, и я что-то бы увидел! Я не знаю! Она, к стати, жаловалась, что я с ней довольно-таки холоден. Все вокруг твердили, что мы отличная пара, а Варя просто красавица и мне с ней очень повезло. А я надеялся, что все поменяется!

Хотя Серега в чем-то прав: без страстей тоже нельзя!

– Красотка, – согласился я, но сразу же перевел тему. – А вы я Асей молодцы!

– Ну да. Ладно, мне пора бежать, – ответил он. – Все что хотел, тебе сказал.

– Пока, дружище! – сказал я и с досадой положил трубку, мне хотелось поболтать, но мы в тот момент были в слишком разных эмоциональных состояниях, я сомневался, что он бы меня понял.

Но разговор с Серегой немного развеял меня. Однако всё же мысли о встрече с той девушкой не давали мне долго заснуть. Проворочавшись около двух часов, я почувствовал, что усталость всё же взяла верх, и отключился.

Весь следующий день я провёл за чтением научной литературы. На носу были ГОСы, а мне казалось, что конца и края не будет экзаменационным билетам. Последняя сессия в жизни студентов Академии перед защитой дипломной работы была одним из важнейших заключительных этапов получения высшего образования. Ее нельзя было провалить.

Передо мной лежала внушительная стопка учебников, материалы из которых я должен был прочитать и запомнить. Основная сложность состояла не в том, чтобы выучить что-то, я запоминал все легко после первого же прочтения, а в том, чтобы успеть прочесть. Времени оставалось очень мало.

Я читал, а сам постоянно думал, не смотрит ли на меня Соня. Невольно периодически принимал позы, в которых, как мне казалось, я выгляжу лучше. Я старался не сидеть вразвалку на стуле или не валяться на кровати с закинутыми на стену ногами, как обычно это делал. Оделся я в тот день тоже по-другому. Не стал напяливать домашние растянутые брюки, а нарядился в новые, не истёртые ещё джинсы. Отругал себя, конечно, что глупо было выпендриваться, ведь она столько раз меня видела в домашней обстановке! Но ничего с собой поделывать не мог. «Теперь, когда я знаю, что на меня смотрит молодая симпатичная девушка, я должен выглядеть прилично!» – оправдывал я свое желание произвести хорошее впечатление.

Я терпеливо ждал вечера, когда смогу снова отправиться к Манусову и увидеть Соню. И вот, наконец, стемнело, и я отправился к профессору домой.

Я приехал чуть раньше обычного, но Манусов уже ждал меня. Входную дверь как обычно открыла его жена и она же проводила меня к профессору.

Сделав несколько поз-асан, немного помедитировав, я лёг на кушетку и вышел из тела, предварительно не забыв поставить заслон. Всё это я проделывал уже тысячи раз, доведя процесс выхода из тела до автоматизма. Делал я это быстро. Профессор сидел рядом со мной на стуле, на первый взгляд, непринуждённо читая книгу, но, на самом деле, я знал, что он всегда был начеку для немедленного реагирования, если что-то пойдёт не так. Не было сомнений, что он в любую секунду готов был вызвать подкрепление для оказания помощи мне в небе и обеспечить сохранность моего тела на земле.

А я тем временем, оглядев, как он меня учил, обстановку вокруг тела в комнате и в соседних помещениях, метнулся на крышу для встречи с Соней.

В следующую секунду я увидел ее мерцающий свет: она была уже на месте и ждала меня. Только когда я выдохнул, увидев ее, сразу понял насколько был напряжен от ожидания встречи.

– Привет, – смущаясь своей торопливости, сказал я. – Ты уже здесь? Я рассчитывал тебя подождать немного.

– Да, – улыбаясь, ответила она, – я прилетела пораньше. Почему-то спешила.

– Я тоже торопился, – сказал я, стараясь подавить смущение в голосе. Мне казалось, что Соня чувствует себя более раскованно, чем я.

– Как у тебя сегодня день прошёл? – начала она разговор, похоже, все-таки заметив моё замешательство.

– Хорошо, – ответил я, – я сегодня целый день провёл за учебниками. У меня скоро госэкзамены, я готовился. А ты не смотрела сегодня за мной? – осторожно спросил я.

– Нет, – улыбнулась она. – Не думай, что я смотрю за тобой изо дня в день и с утра до вечера. Я делала это только во время твоего обучения.

– Понятно, – смутившись, ответил я, – я просто думал, что сегодня ты могла...

– Нет, нет, – запротестовала она, – не думай так.

– Ну, а ты как? Как прошёл твой день? – поинтересовался я, ожидая подробного ответа.

– Тоже хорошо, – уклончиво ответила она, – я тоже читала почти целый день.

– А ты что читаешь? – стараясь быть непринужденным, спросил я.

– Я дочитываю «Великий Гэтсби» Фицджеральда, – ответила она и посмотрела на меня широко открытыми и такими ясными глазами!

– Ну и как тебе? – поинтересовался я, моментально утонув в ее взгляде.

– На самом деле мне не очень нравится эта книга. Там вроде и про любовь, но как-то всё натужно и грустно. Понятно уже, что конец будет несчастливый. А мне нравится, когда все заканчивается хорошо и все счастливы. Я такие книги люблю больше. – Улыбнулась она.

– Гэтсби слишком идеализировал свою возлюбленную, у такого романа не может быть счастливого конца по определению. Главный герой, похоже, сам не понимал какие чувства он к ней испытывал. – Начал рассуждать я, чтобы хоть как-то выйти из оцепенения.

– Она сама не дала ему узнать о себе – настоящей. Все же интересно, что было бы, если бы Гэтсби и Дейзи соединились и стали жить вместе. – Задумчиво сказала Соня.

– Согласен. Действительно интересно, но этого не произошло. Видимо неслучайно. – Улыбнулся я и развел руками в стороны. Мне нравилась наша беседа, как-то сразу почувствовалась непринужденность и легкость в общении. – А ты любишь романы читать? – спросил я.

– Да, как и все девушки, наверное, – ответила она и тоже заулыбалась. – А ещё я люблю так же, как и ты, летать, – неожиданно сменила она тему разговора.

– Правда, здорово? Такая легкость! – восторженно сказал я.

– Ага, не передать словами как хорошо! – согласилась Соня.

– Полетаем вместе? – предложил я, удивляясь самому себе.

– Давай, – тут же согласилась она, – куда полетим?

– Давай за мной.

Я помчался вверх, увлекая за собой Соно. Странно, но как только я начал болтать с этой девушкой, весь мой боевой настрой куда-то испарился, у меня больше не было желания срочно выяснить кто она такая для протокола. С первых же слов мне стало понятно, что общаемся мы на одной волне, очень легко. Хотя, конечно, больше информации о ней узнать очень хотелось. Она вызывала неподдельный интерес своей загадочностью.

Мы неспешно облетели центр Москвы, горящий вечерними огнями, по Садовому кольцу.

Так, кружа над землей, непринуждённо болтали о книгах и фильмах. Я узнал, что Соня много читает, смотрит, постоянно чем-то интересуется. Она рассказала мне о том, что изучала химию, генетику, телепортацию, знает два языка и неплохо разбирается в медицине. Я не мог оценить уровень её знаний, но для юной девушки это был серьёзный багаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.